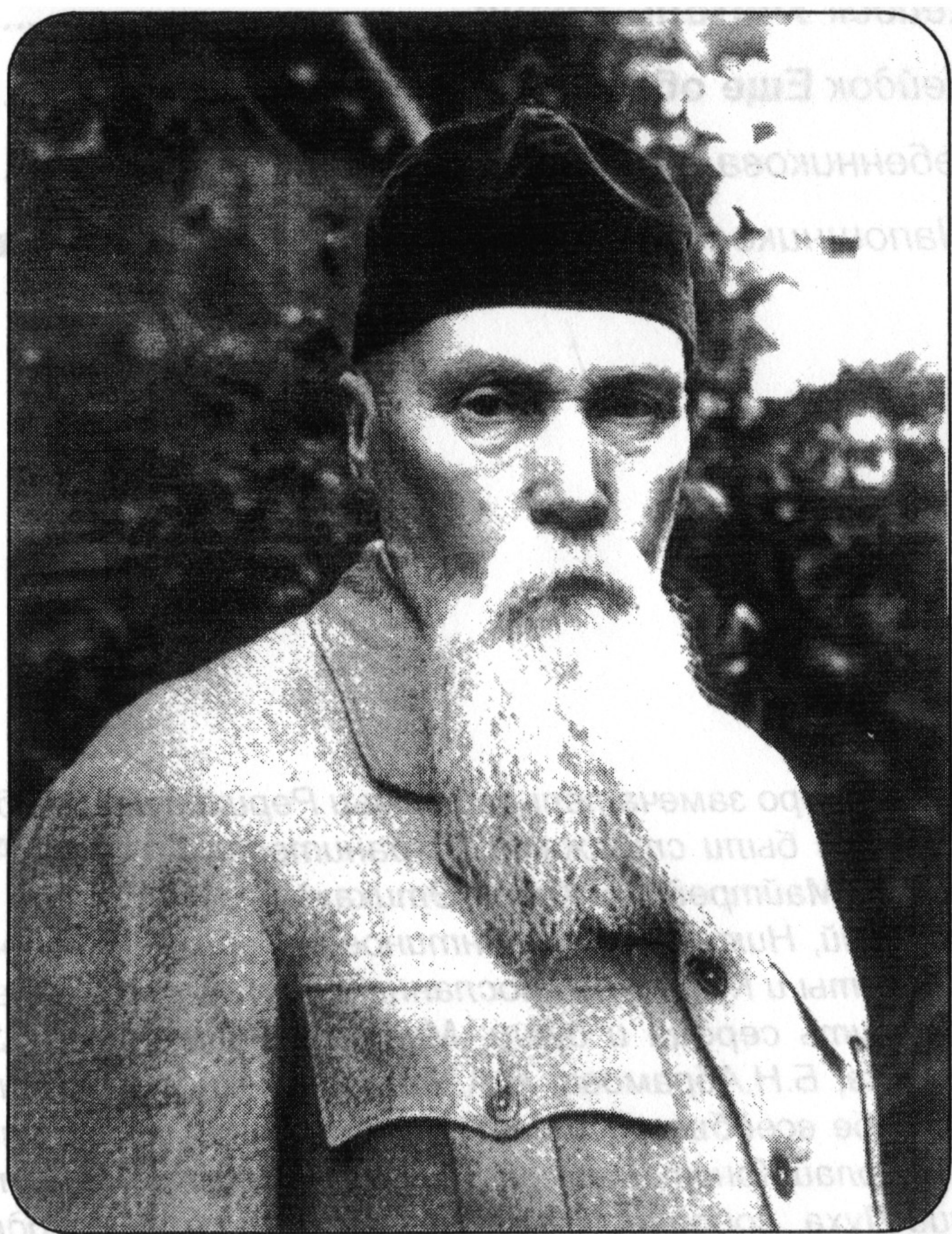

Николай Ферах

штрихи к портрету

Прошлое есть основание будущего. Как прошедший день, стоит перед Нами будущее. Прошлое в Мире Плотном – это то, что, вылившись в настоящем в плотные формы, уходит в область памяти природы. Наше будущее называем Мы прошедшим потому, что его Мы уже оформили в Огненном Мире, в Мире Огненной мысли, и в таком виде оно уже существует там давно, не являясь уже более будущим. Будущим же оно является для тех, кто об этом не знает. Картины и формы эволюции жизни вырублены Нами из вещества стихий, чтобы влиться, когда придут сроки, в плотные формы. Основы Бытия и то, что создается на этих основах, представляют собою Эволюцию Сущего и являются выражением Космической Воли, или Законов Эволюционности, но воля людская свободна. Она тоже творит. Если творчество это в согласии с Основами Эволюционности, сливается она с творчеством Нашим и умножает его, если же против, уничтожается волнами поступательного движения Космической Эволюции. Наше настоящее и Наше прошедшее направляют будущее течение Эволюции в должное русло. Уходит оно в глубину тысячелетий как вперед, так и назад. Мы Видим будущее планеты, ибо оно существует уже и запечатлено в свитках Акаши, но прошлое и будущее человека мира сего иное. Оно слишком коротко и охватывает малый круг личной жизни и связано только с личностью данного воплощения. И прошлое и настоящее и будущее такого воплощенца ограничены рамками майявической очевидности, не обоснованной на действительности, являющейся аспектом вечности и потому длительности гораздо большей в своем выражении. Дела длительные, огромной продолжительности, протянутые из бесконечного прошлого в бесконечность будущего – это Дела Наши. Дела короткие, дела малые, захватывающие в лучшем случае десятки лет, – это дела человеческие. Пирамиды и сфинксы пытались разрушить преграды ограниченного времени. Но разрушаются и они. Нерушимы Наши Огненные Построения будущего, запечатленные в прошлом. Нам подражая, и вы протяните цепь ваших действий в далекое будущее за пределы одной личной жизни в сферы Бессмертной, перевоплощающейся Триады, являющейся выражением истинной Индивидуальности человека.

***Николай Константинович
РЕРИХ***

Содержание

З.Г.Фосдик День моей встречи с Учителем	3
Из Писем Е.И.Рерих З.Г.Фосдик	7
А.П.Хейдок Учитель жизни	9
А.П.Хейдок Еще об Учителе жизни	18
Н. Гребенникова Жизнь бесталанна без героя	20
Л.В.Шапошникова Неугасимый свет тернового венца .	33

Все Четверо замечательной семьи Рерихов несли единую Чашу Подвига. Они были стражами и хранителями «кубка Архангела», т.е. Учения Майтрейи («Живая Этика»).

Старший, Николай Константинович Рерих - Благородный Вестник Красоты и Культуры, посланный земному человечеству, чтобы возвысить сердца и души. Мастер, Учитель для З.Г.Фосдик, А.П.Хейдока, Б.Н.Абрамова, Н.А.Уранова и многих других, он объединил в себе всеобъемлющие Знания Древней Мудрости и синтез гения. Николай Константинович был олицетворением многих достижений Духа, собранных воедино. Этот человек в одном лице – художник, философ, писатель, ученый, исследователь и владетель огромной державы идей, глубина которых простирается далеко в будущее.

Е.И.Рерих называла Николая Константиновича «красивым старцем», в Индии его считали большим Риши (Великим Святым).

Из воспоминаний «сотрудников-свидетелей», которые имели счастье знать Его лично, и последователей вы узнаете много интересного, поучительного о личности, о жизни этого замечательного Подвижника Духа.

ДЕНЬ МОЕЙ ВСТРЕЧИ С УЧИТЕЛЕМ

Я верю, что в жизни любого человека есть одно выдающееся, необычное событие, которое часто полностью меняет всю его жизнь, ведя ее по новым путям, о которых он ранее и не мечтал, – почти как если бы одна жизнь кончилась и другая, новая, началась с этого момента. Именно это случилось со мной в тот день, когда я встретила профессора Николая Константиновича Рериха.

Первая выставка работ этого всемирно известного художника должна была открыться в Нью-Йорке зимой 1921 года. В ежедневной прессе печатались рассказы об этом великом художнике и его успехах в европейских столицах, за пределами его родной страны России, где его ценили по праву высоко. Многие знаменитые люди из числа так называемых «четырехсот», были названы в каталоге выставки как ее патроны.

Я знала, что в день открытия соберется огромная толпа, и сомневалась, идти ли мне на открытие и не лучше ли посетить выставку на следующий день. Однако, как будто притянутая какой-то мощной силой, я решила пойти на открытие. Позже я читала в газетах, что пришедших в первый день было около десяти тысяч, однако все, что я почувствовала, войдя в залы галереи, был огромный, величественный мир с великолепными горами, лазурным небом, облаками, напоминающими образы иного мира, – необыкновенно мирная, гармоничная, неописуемо прекрасная держава, совершенно новая для меня. Я стояла перед «Сокровищем Ангелов», «Русью Языческой», «Экстазом» – тремя огромными полотнами сверхчеловеческой красоты и покоя, которые только великий ум, родственник Леонардо да Винчи, мог представить и воссоздать в красках.

В моем восприятии толпа отхлынула, затихла. Я стояла лицом к лицу с Бесконечностью – с первым человеком, строящим себе жилище, поклоняющимся божественным образам и приобщающимся к Богу. Огромные пространства космической важности, горы, пото-

ки, массивные скалы, земные и небесные вестники, смиренные святые и герои населяли мир Рериха, который он, в свою очередь, отдавал людям с той щедростью, которая отличает человека истинно великого искусства. У меня перехватило дыхание, слезы подступали к глазам, мысли и чувства переполняли сердце. Мой до того момента замкнутый мир уступал место другому – миру неземной Красоты и Мудрости.

Из моей поглощенности этим великим миром меня вывел кто-то из знакомых, упорно хотевший познакомить меня с автором. Я пошла почти против воли, только теперь заметив огромные толпы людей и думая, насколько усталым и безразличным должен быть сам художник, глядя на тысячи лиц, встречаясь с людьми, которых он тут же немедленно забудет. И вот он сам – среднего роста, с полными света голубыми глазами, остроконечной бородкой, благородной головой, излучающей какую-то невидимую благожелательную мощь, и с необыкновенно проникновенным взглядом; казалось, он мог увидеть глубину человеческой души и найти самую ее суть. Рядом стояла его жена, Е.И.Рерих, настолько красивая, что захватывало дух. Меня представили, я услышала их голоса, говорящие со мной с улыбкой на нашем родном языке, и, к своему удивлению, как во сне, я услышала их приглашение прийти к ним в гости в этот же вечер в Отель художников. Все переживания этого дня, сильнейшее впечатление, произведенное на меня великим искусством, – все это оставило меня в состоянии как бы тумана. Я приняла приглашение, удивляясь только, почему меня пригласили. Незнакомая им и, тем не менее, удостоенная приглашения посетить великого художника и его не менее великую жену (это я чувствовала, глядя на нее), я едва могла дождаться вечера. Когда я вошла в большую студию и была принята с прекрасным гостеприимством, так естественно присущим русскому характеру, меня ждало много других, не менее удивительных сюрпризов. Этот великий человек и его жена приняли меня так, как будто знали меня! Более того, они начали говорить со мной о своих планах на будущее, их миссии в Соединенных Штатах и о том, что должно было последовать, в то же время выражая глубокий интерес к моей музыке и преподавательской работе. И что самое удивительное, наши пути должны были слиться; работа распространения искусства и знания среди молодежи Америки должна была ближе связать меня с ними!

В тот же самый вечер были заложены идеи общей работы – создание первой из наших организаций, основанных проф. Рерихом, – Мастер-Школы Объединенных Искусств. Много других центров

должно было последовать: Кор Арденс, Корона Мунди и позже музей Рериха, Пресса Музея Рериха, многочисленные Рериховские общества и другие организации. Это вечер стал началом моего ученичества, которое впоследствии переросло в духовное ученичество мое под руководством Николая Константиновича Рериха, в теснейшем сотрудничестве с ним и Еленой Ивановной Рерих.

Но самой глубокой радостью в этот первый вечер нашей встречи было осознание того, что я нашла своего Мастера. С самых первых слов, сказанных им, исполненных глубокой мудрости и говорящих мне всегда так тихо и просто о Красоте и Труде, я почувствовала и узнала в нем благородного Вестника, посланного к людям, чтобы устремить их сердца и души вверх, к поискам истинного знания, и научить их быть бесстрашными в этих поисках.

Он сам был мудростью небесной и земной, всегда полный сочувствия, облегчающий сердца тех, кто приходил к нему. Никогда он никого не умалял – только возвеличивал, находя зерно добра даже в малейшем сознании. Как могу я поведать в многословии все, чему он учил меня? Вспоминая все эти годы, когда я внимала его великой мудрости, училась в ежедневном контакте с ним, как обращаться с людьми в конфликте и печали; как прощать, но не идти на компромисс; как чувствовать радость, в то же время не закрывать глаза на действительность; как любить Красоту, принимая ее как одно из высочайших достижений человеческого духа; как познавать и почитать Великих Учителей человечества, я могу только повторить, что для меня было высочайшим счастьем и удачей найти моего Учителя в этой жизни. Со смиренной благодарностью я думаю о нем как об указавшем мне путь Света и Знания и мою миссию в жизни.

Божественные помощники человечества, всегда полные сочувствия к нам, посылают нам время от времени своих посланцев, которые с радостью выполняют этот сверхчеловеческий акт самопожертвования – служить людям и, насколько возможно, отвращать разрушение, причиняемое человеческою несправедливостью. Таким посланцем был Николай Константинович Рерих – Мастер для меня, Учитель для многих. Его чистое и благородное искусство можно найти сегодня во многих музеях и частных коллекциях мира. Написанные им труды переведены на разные языки и читаются множеством искателей Красоты и Мудрости. Он объединил в себе всеобъемлющие знания древнего мудреца и синтез гения – в одном лице художник, философ, писатель, ученый, исследователь и владелец огромной державы идей, глубина которых простирается да-

леко в будущее. Он внушал нестигаемое мужество и дерзание бороться с препятствиями жизни. Это им было сказано: «Благословенны препятствия – ими растем». Он щедро ценил даже малый прогресс, тем самым вдохновляя на еще более высокое служение. Радостно приветствовал он добрые души и замолкал, когда зло появлялось в его присутствии. И по этому молчанию можно было научиться распознавать приближающееся зло. Великий созидатель, он объединял людей для общей работы на общее благо. Сверхчеловечески терпеливый, неутомимый в своем творчестве, которое обнимало такую широкую сферу человеческих деяний, он учил тех, кто был рядом с ним, служить культуре и любить радость служения, и – через культуру – бороться за мир для всех людей во все времена.

Быть близким к Николаю Константиновичу Рериху было похоже на обучение в нескольких университетах одновременно; это было как погружение в колодезь великого прошлого, в историю человечества; это было как стремление к сверхземному знанию и попытка предугадать судьбу рода человеческого, живя еще в настоящем течении эволюции. Он знал все это, но он всегда помогал другим, стремившимся к знанию, приподнять завесу, когда это было возможно.

Он приносил радость, здоровье, гармонию и мир многим, кто искал его, и он излучал все эти силы. Он отдавал несказанные духовные богатства многим, таким образом делая их жизнь неизмеримо богатой. Он неустанно отдавал самого себя и великие сокровища его духа, принося величайшие жертвы совершенно бескорыстно. Он был сеятелем – не для себя, но для человечества. Общась с Высшими Мирами, он никогда не забывал Землю, служа Общему Благу.

Он говорил о мире, создавая всемирно известный Пакт Рериха и Знамя Мира, потому что само его существо излучало мир. Он предвидел тяжкие бедствия до того, как они обрушились на человечество (две мировых войны), и он предупреждал с великой скорбью в сердце о третьей мировой катастрофе. Он посылал вести мира во все части земного шара, чтобы очистить пространство, чтобы помочь росту человеческого сознания. Он был зодчим, создавшим множество великолепных построек, видимых и невидимых. Он заложил много благих краеугольных камней в странах, через которые проходил его путь. Эти благословенные магниты сохранились и зажгли множество благородных стремлений в человеческих сердцах. Его творчество, его искусство, его мысли – все было пронизано святым огнем. Его сознание было космическим сознанием.

Мой Мастер вечно жив. Он учил меня, что смерти нет, нет конца — есть только Вечность. Редкая привилегия дана была мне в этой жизни: встретить Великую Душу, Мастера, и мне было позволено стать его ученицей.

С невыразимой благодарностью в сердце я надеюсь следовать по его пути. Я знаю, что опять встречу его в вечном течении жизни.

Нью-Йорк, 7 июля 1948 г.

ИЗ ПИСЕМ Е.И.РЕРИХ З.Г.ФОСДИК

13 января 1948 г.

Кому же, как не самым близким по духу могу поведать всю муку пройденную? Кто другой может понять всю сложность обстоятельств, приведших к Новому Решению, давшему возможность Н.К. теперь же закончить свою светлую деятельность прекрасным разрешительным аккордом, еще раз провозгласить и поднять Знамя Мира среди общего мирового безумия, и на этот раз в столь любимой им Индии.

Наш Светлый, Любимый ушел, как жил — просто, красиво, и величаво. Мир, истинно, осиротел с уходом этого прекрасного Духа! Индия трогательно, красиво и мощно отозвалась на этот уход. Газеты, журналы, Общества, и друзья, и знакомые ярко отметили незаменимую утрату для мира великого творца чудесных образов, гиганта мысли и деятельности, замечательного человека, истинного Друга человечества. Ведь никто не уходил от него отягощенным, наоборот, он умел облегчить ношу каждого и направить на новый путь, путь устремления и мужественно осознанного труда во имя общего блага. Многие прекрасно отметили богатство оставленного им духовного наследства и насущную обязанность каждого сознательного человека принять это богатство и следовать его высоким Заветам.

...Мне еще трудно писать о его болезни и последних днях. Напишу позднее. Но прошу для всех друзей и почитателей установить формулу, прекрасную и истинно верную: «Сердце не выдержало количество яда, порожденного обезумевшим человечеством».

Никогда не видела я такой высокой духовной красоты, которая запечатлелась на его лице. Мы не могли оторваться от созерцания этой благодати и трогательной нежности всего его чудесного облика. Он весь светился как бы от внутреннего света, и белые

нарциссы, окружавшие его, казались грубыми рядом с его просветленным обликом.

Щемит сердце лютая тоска при мысли об утрате. Он ушел на Зов В. Вл. в три часа утра во сне, в самый торжественный день, согласно Индусскому календарю, в день рождения Шивы. За неделю до смерти он видел Преподобного Сергия, стоявшего между нашими постелями и сказавшего: «Родные, зачем вам мучиться здесь, пойдете со Мною, ко Мне теперь же!» Дух его хотел уйти, очень огорчился он хаотическим положением в Мире, а мы еще скрывали от него все ужасы, творившиеся в нашей долине и в непосредственной близости от нас. Также тяжело переживал он и нарастающую русофобию в Америке, ибо знал, к чему приведет такая ненависть. Сердце не выдержало последних нагнетений и лютой тоски за угнетение всего культурного, несущего спасение молодому подрастающему поколению.

В нашем горе находим утешение лишь в сознании, что ему была дарована лучшая доля. К чему было ему томиться среди невежества и растрачивать свои лучшие дары, которые не могли быть приняты и оценены настоящими поколениями. Он вернется в лучшее время, на очищенную ниву и закончит свой посев и служение своей стране и всему человечеству. Но утрата такого вождя, истинно, незаменима и отложит продвижение человечества на новое столетие.

23 февраля 1948 г.

Индия. Дели.

...Посылаю Вам, родные, и последние снимки с него, уже лишь его оболочки. Но оболочка эта настолько просветленная и так отражает его сущность, что мне она ближе других. Таким он был последние месяцы жизни, когда я писала Вам, что он стал таким красивым старцем. Кротость, великое смирение запечатлелись на его лице. Прекрасная оболочка его была предана огню на обширной горной площадке нашего поместья с широким видом на три снежные гряды. На месте сожжения был водружен большой, красивый осколок скалы с надписью на индостани под знаком Знамени Мира. Скалу эту тащили издали примитивным способом. Люди из соседних деревень тащили скалу железными канатами и на валиках из больших деревьев, подталкивая камень такими же рычагами. Двигали по пол-дюйма, с большими роздыхами, тащили несколько дней и все же осилили, и водрузили на каменное основание, под которым находился оставшийся пепел от сожжения всего костра.

День сожжения выдался исключительно прекрасным и парадным. Ни малейшего дуновения ветра, и все окружающие горы оделись в свежее снежное покрывало. Никогда раньше я не видела сожжения и должна сказать, что зрелище было грандиозно и прекрасно. Население сложило огромный костер из Деодаров, густо политых ароматическими маслами. Когда его носилки, покрытые белыми цветами, были поставлены на кострище, и костер был зажжен с четырех сторон, высокое пламя, как крылья, охватило его, скрыв его от нас, и устремилось ввысь, в безоблачную синеву. Ни малейшего дыма, ни малейшего угара, кроме прекрасного аромата деодарового и сандалового дерева. Через два с половиной часа все было кончено. Обычно сожжение берет до шести часов. Народ вынес свои заключения. Ушедший был большим Риши, тело его было настолько чисто, что огонь сразу охватил его и не было ни дыма, ни угара. На второй день мы собрали пепел, часть оставили на месте сожжения, а другую взяли с собою. Жутко было вернуться в опустевший дом, жутко смотреть на стеклянную дверь его мастерской, из-за которой он больше не выглянет, не выйдет полюбоваться на горы и небеса, освещенные огнем солнечного заката.

Наш Светлый и Любимый будет жить в памяти народа. Просветленные сознания поймут, какой великий Дух ходил по Земле, среди людей, и будил их сознание ко всему Прекрасному и тем самым вливал в них эликсир Жизни. Ганди стал Спасителем и отцом народа, но еще большим станет наш Светлый и Любимый, когда будет собрано воедино все им созданное и Оповещенное во Благо Человечества. Истинно, он заложил основание Новой Эпохи, Нового Мира.

А.П.Хейдок

УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ

Появление Н.К.Рериха в Харбине в 1934 году можно сравнить только с метеором, прочертившим огненную черту на мрачном ночном небе, – неожиданным, негаданным.

Маньчжурия захвачена японцами, ее естественные богатства стремительно разбазариваются. Существует марионеточное правительство «императора» без власти Пу-и. Харбин, заложенный русскими строителями Китайской Восточной железной дороги, разросшийся в крупный торговый центр, битком набит российскими бежен-

цами самых разнородных мастей. И весь этот люд борется и бьется над одною главною проблемою – как выжить? Как создать себе хоть сколько-нибудь сносное существование?.. Существуют различные эмигрантские организации, партии, землячества, возникает фашистская партия во главе с Родзаевским. И над всеми этими партиями, и над серой массой беспартийных эмигрантов протянута когтистая лапа японских милитаристов, решивших использовать эмигрантов в качестве подсобной силы в своем марше хищнических захватов. Вот этот фон, на котором в последней декаде апреля 1934 года внезапно появился Рерих.

Его приезд производит впечатление разорвавшейся бомбы. Вся общественность взбудоражена. Квартира на Садовой улице, где поселился Н.К.Рерих и его сын Юрий, превращается в место непрерывного паломничества – туда без конца устремляются посетители. Благо бы общественные деятели или художники, а то – простой народ, далекий от искусства, рядовые эмигранты, которым, казалось бы, и разговаривать с Рерихом не о чем. И посетителей так много, что Рерих вынужден нанимать специального швейцара, который стоит у дверей кабинета и пропускает туда строго по очереди и только предварительно записавшихся. Первые дни, чтобы попасть к Рериху, нужно было записаться за несколько дней вперед. Правда, через какое-то время поток начал стихать, чему были особые причины...

Но почему – почему к нему так устремлялись? Оставим в стороне чинов иностранных консульств, которые могли нанести визит художнику с мировым именем, преследуя как свои личные, так и служебные цели, отбросим японских соглядатаев и представителей различных эмигрантских организаций, пришедших, может быть, лишь в надежде чем-либо поживиться для своих организаций, оставим также в стороне различных «прожектеров» и лиц, предлагавших свои услуги по части организации экспедиции в Монголию, слухи о которой всколыхнули безработных, и расскажем про одного из тех, кто устремлялись к Н.К.Рериху, сами точно не зная – зачем.

«Я и моя жена – беженцы. Мы не принадлежим к тому классу старой России, представители которой бежали за границу с туго набитой кошелем и шкатулками с бриллиантами. Суровый лик нарождающегося в жестокой борьбе нового строя напугал их, и они бежали в Харбин. Заполненный до отказа такими же беженцами, город встретил нас неласково, трудно найти комнату, куда прийтись в первое время, а еще труднее найти хоть какой-нибудь заработок. Домохозяин уже напоминает, что пора платить за ком-

нату, денег нет – и начинается продажа вещей. И тогда жене приходит в голову, как ей кажется, блестящая идея: она будет делать больших красивых кукол, оденет их в древние национальные костюмы боярышень, благо она училась художествам, а муж будет продавать продукцию...

Закипела работа – боярышни выходили одна краше другой. Но вот беда – никто не покупает. Китайцы русскими боярышнями не интересуются. Таким же беженцам, как сам продавец, они очень нравятся, но им покупать не на что... И ходит наш продавец, и отчаяние закрадывается в душу. И вдруг он узнает – приехал Рерих. Как же, знает он Рериха, хотя никогда особенно им не интересовался, – знаменитый художник... И внезапно он принимает решение – «пойду к нему». Если бы его спросили – зачем он пойдет, о чем будет говорить, навряд ли он сумел бы ответить. Скорее всего, сказал бы: «Так, потянуло...».

И вот он в кабинете Рериха. Художник оказался необычайно прост в обращении, ласков. Усадил его и осведомился, что привело к нему посетителя. Тот почувствовал внутреннюю потребность рассказать, как тяжело ему живется в чужбине, и показал ему свои куклы. Внимательно рассмотрев их, Рерих похвалил работу, но сказал, что они (продавец и его жена) избрали трудный и малоблагодарный вид служения искусству. И пока они так разговаривали, то отчаяние, которое так мучило продавца, мало-помалу испарилось и великий мир вошел в него. Рерих ничего не купил у него, и наш предприниматель и не предлагал ему своего товара. Спустившись по лестнице (Рерихи жили на втором этаже), он повернул направо и зашагал по Садовой.

– Что продаете?

Он оглянулся: в дверях магазина стоял японец, по-видимому, хозяин предприятия, который приглашающе кивнул ему головой.

Наш продавец художественных изделий быстро развернул перед ним свой товар. Японец сразу купил у него все куклы и заказал крупную партию на будущее. Отчаявшемуся, испытывшему на себе весь холод отношений чужого города на чужой земле человеку казалось, что чья-то могучая рука вытащила его из мрачной бездны. И с этого дня он уверовал, что Рерих приносит людям счастье».

Уже в детстве на меня производили чарующее впечатление репродукции картин Рериха. Они будили во мне мечту, звали куда-то, окутывали действительность сладостью сказки. Подолгу, не отрываясь, я засматривался и как бы сам переселялся в них. Вот я сижу на скамейке у бревенчатого терема «Трех радостей» и гляжу, как за-

ходят в ворота калики перехожие, вот зеленый холм, где пасутся добродушно посапывающие коровы, а то иду по той дороге, что дугою взметнулась на крутой холм – иду подвиги совершать, счастья-доли своей искать...

Мне было 16 лет, когда я пришел уже к заключению, что нет в мире лучше художника, чем Рерих. Мог ли я в то время подумать, что когда-либо с ним встречу! И вот Рерих и я оказались в одном и том же городе... Непреодолимое желание познакомиться с ним овладело мною. Если я раньше знал Рериха только как художника, то теперь к этому прибавилось еще и другое – я успел прочитать две его книги – «Пути Благословения» и «Сердце Азии». Они меня очень взволновали, в особенности последняя, где говорилось о Махатмах и Шамбале. Что это за Махатмы? Что это за Агни-Йога, данная в долине Брамапутры, взявшей исток от озера Великих Ногов, хранивших заветы Ригвед? Более 40 названий, данных таинственной Шамбале народами мира, заставляли думать, что не могли же все сорок народов высосать из пальца одно и то же содержание легенды – должна тут быть хоть крупица истины! И конечно, ответить на эти будоражащие меня вопросы лучше всего мог лишь тот, кто написал эти книги...

«...Это было недавно – это было давно...» Как сегодня, вижу себя входящим в кабинет Рериха. До этого я уже один раз видел его на вечере кружка молодых поэтов, в «Чураевке», где Николай Константинович выступил с краткой речью о сотрудничестве как новом принципе международных и междучеловеческих отношений и где в кратком антракте меня представил ему председатель кружка и организатор вечера поэт Ачаир. Но тогда я видел Н.К.Рериха среди шумного зала под взорами десятков устремленных глаз и, понятно, не мог так почувствовать его внутренней сущности. Но теперь я увидел его по-настоящему. Не всегда человек одинаково видит, хотя и смотрит на одно и то же. В этом величавом и в то же время таком простом старце с белой бородой было что-то от библейского пророка, вышедшего провозглашать новую истину или изобличить вопиющую несправедливость, и в то же время столько сердечной доброты! Но самое поразительное – он мне показался очень знакомым, точно я знал его давным-давно... Мало того, я ощутил, что он мне роднее тех, кого называют кровными родными. И вылетели у меня из головы заготовленные фразы, которыми я собирался начать свою беседу. Вместо них взволнованно, но кратко и просто спросил:

– Николай Константинович, я читал ваши книги – скажите, действительно ли существуют Гималайские Махатмы?

И так же просто, не задерживаясь ни на секунду, Николай Константинович ответил:

– Да, существуют. Я был у них.

Так получил я свидетельство, ставшее поворотным пунктом моей жизни. В течение дальнейшей беседы Рерих сообщил мне, что один из Махатм дал новое учение жизни – «Агни-Йогу» или, как называли ее впоследствии, Учение «Живой Этики». Невозможно пересказать содержание нашей беседы. Кончилась она тем, что мы условились о новых встречах и он обещал мне дать «Агни-Йогу», как только прибудет весь его багаж.

Приходилось ли вам когда-либо испытывать огромную радость, оставшуюся незабываемой на всю жизнь? Не казалось ли вам, что в груди рождается песня и рвется наружу? Что все окружающие понимающе вам улыбаются, и что ноги ваши, вместо тротуара, ступают по мягким облакам? Таково было мое состояние, когда я шел от Н.К.Рериха домой. И дома, рассказав обо всем моей жене, я еще не мог успокоиться и долго шагал по комнате – я понял, что нашел Учителя Жизни.

Шло время, наши встречи учащались, и я понял, за чем так устремлялись к Н.К.Рериху люди: они несли к нему свои горести и свои искания и всех их он духовно одарял. Каждому он находил до сердца подходящее слово и давал мудрый совет. А тем, кто приходил со своими исканиями, указывал дальнейший путь. Если спросят, что это был за путь, – скажу: путь великого служения человечеству; путь замены узкоэгоистических устремлений одним всепобеждающим устремлением к общему благу; путь очищения первым делом самого себя от всего низкого, эгоистического; путь превращения человека – раба страстей в его повелителя; путь претворения рутинной работы – обязанности в радостный творческий труд; путь овладения тонкими энергиями Природы и, первым делом, к осознанию великой мощи, заложенной в самом человеке, – психической энергии, т.е. энергии мысли и сознания; путь внесения в жизнь прекрасного – «Даже полы могут быть вымыты прекрасно!»

Как бы оружие вручал Н.К.Рерих и направлял каждого на несение священного дозора в жизни – где-то слеза, которую может утереть дружеская рука; где-то горе, которому может помочь действительное сострадание; где-то несправедливость, с которой нужно вступить в немедленную борьбу; где-то добро, которое можно совершить...

Из этих, в сумерках жизни ищущих ее смысла, как и смысла потрясающих Мир событий, в короткое время вокруг Н.К.Рериха

сложилось общество. Это было нормальное явление: к тому времени образовалось около сотни таких обществ, раскинувшихся по всему миру. Тем не менее, Харбинское общество следует отметить особо, как исключительное по своей структуре и своеобразию весьма тяжелых внешних обстоятельств. Подозрительность японцев и мракобесие части эмиграции, главным образом священнослужителей, которым непонятна была широта взглядов Рериха, исключали возможность официального оформления Общества, оно существовало незарегистрированным. Это исключало возможность выступления Общества как такового в печати и в общественной жизни и ставило его членов под постоянную угрозу японских репрессий. Структура Общества была замечательна тем, что в нем не производилось никаких выборов, не было ни председателя, ни казначея, ни членских взносов. И тем не менее его собрания происходили регулярно и посещались с завидной аккуратностью. После отъезда Н.К.Рериха из Харбина оно просуществовало долгие годы, пока его члены, руководимые различными судьбами, все не разъехались по белу свету. Их образ жизни приводил иногда в недоумение махрового обывателя. Привожу диалог, состоявшийся на Урале между одним из членов Общества и обывателем:

– Так вы водку не пьете?

– Нет.

– В карты не играете?

– Нет.

– Ну, тогда вам в жизни осталась одна только картошка!!!

Учитывая глубокую старость пишущего эти строки, он имеет основание считать себя последним оставшимся живым членом этого Общества. Последнее обстоятельство обязывает его свидетельствовать, пока он в состоянии это делать.

Могут спросить – чем мы занимались на наших собраниях? Так как клевета преследовала Н.К.Рериха, то возможно, что под таким вопросом будет скрываться подтекст – «Какие заговоры вы там устраивали?» или – «Какую вы там образовали секту?» И я отвечу: «Никаких».

В том-то и горькая ирония судьбы, что люди усматривают нечто предосудительное именно там, где устремляются к самым высшим идеалам. Непонятна узкому мещанству, зарывшемуся в своей мышиной норке личного благополучия, радость свободного духа, устремившегося в беспредельные просторы служения эволюции к сияющему сотворчеству с космическими силами.

Николай Константинович нам лекций не читал. В спокойной неторопливой беседе просто и доходчиво он говорил о наступающей Новой эре планеты, о новом человечестве, которое должно прийти на смену нынешнему, задыхающемуся в ярости хищнических захватов и, как слепое, идущему к взаимоистреблению. Но это новое человечество не могло спуститься с неба на розовых крыльях – оно могло возникнуть только из ныне существующего. И Новый Мир сотрудничества и братства народов так же, как каждого с каждым, должен быть построен человеческими руками. А где строители? Стать этими строителями он призывал нас. А кто враги этого строительства? Эгоизм, самость, жадность, невежество, узкое тупоголовое стремление к самоуслаждению в мышинной норке мещанства и т.п. – «прелести», перечисление которых заняло бы слишком много места. И строительство должно было начинаться с преобразования самого себя, со вступления в постоянную борьбу со своими недостатками, с трансмутации своих низших энергий в высшие – с самоусовершенствования, которое приводит к расширению сознания, открывающему космические просторы. Что предосудительное могут отыскать в этом те, кто окружили каждый шаг Н.К.Рериха подозрительностью и измышляли клевету? Наше объединение было школой сотрудничества, но не формального, а сердечного.

«Силы, действующие друг против друга, взаимно уничтожаются. Силы, действующие параллельно в том же направлении, являют сумму этих энергий, и силы, действующие врозь, теряют в зависимости от угла расхождения. Как люди не могут принять, что основной закон физики также есть основной закон сотрудничества?»

«Сотрудничество есть признак эпохи. Много о нем написано, но жизнь требует уточнения этого понятия. Все вычисления не помогут укрепить сотрудничество. Вы могли убедиться, как одна злая воля уже нарушила все строение. Не нужно думать, что можно прикрыть ужасное состояние какими-то внешними обязательствами. Если не будет доверия, то сотрудничество превращается в ядовитую банку скорпионов. Утверждаю, что осознание психической энергии утвердит твердое сознание сотрудничества!!!»

«Поистине, сотрудничество открывает все возможности, но нужно понять, где заключено это сотрудничество. Часто люди относят его в область каких-то государственных дел, тогда как сотрудничество является условием всей жизни. Именно во всем малом взаимодействии заключается сотрудничество, имеющее зна-

чение космическое. Каждый взгляд, каждое рукопожатие, каждая мысль есть знак сотрудничества, если оно приложено в сознании!!!»

Так говорит почитаемый Махатма в данной им «Агни-Йоге», принесенной человечеству Еленой Ивановной и Николаем Константиновичем Рерихами.

Думаю, что я не кладу пятна на память дорогих мне ушедших сочленов по Харбинскому объединению признанием, что эта школа сотрудничества иногда ставила перед нами трудные задачи преодоления собственной самости, эгоизма, тщеславия и не всегда мы выходили победителями из этих схваток со своим низшим «Я». Оставалось искать утешения в мудром изречении, что совершенство, чтобы быть вполне таковым, должно родиться из несовершенства, имея последнее своим носителем, основой и противоположением.

При просмотре все разрастающейся литературы о Н.К.Рерихе бросается в глаза одно обстоятельство: пишущие как-то избегают упоминать Гималайских Махатм, Шамбалу, а некоторые помещают слово Махатмы в кавычках, как бы ставя под сомнение реальность этого понятия. А между тем никакое жизнеописание Н.К.Рериха не будет полным, не отразит действительности, как и не объяснит его поступков, без указания на эти величайшие факторы как в его личной, так и в планетной жизни. Это одно.

Второе: смешно ставить под сомнение факты, запечатленные историей и подтвержденные архивными документами Советского государства. В посвященной Н.К.Рериху статье «Путь к Родине», напечатанной в журнале «Международная жизнь» (1965, № 1), С.Зарницкий и Л.Трофимова приводят содержание письма Гималайских Махатм Советскому правительству. Письмо было Н.К.Рерихом вручено наркому иностранных дел Г.К. Чичерину вместе с даром Махатм – горстью земли на могилу великого вождя Советского народа В.И.Ленина. После этого какой здравомыслящий человек может сомневаться в существовании Махатм? Другое дело – незнание истинного их величия всегда будет приводить к их умалению в представлении широких кругов.

Но факт остается фактом – в 1926 году Н.К.Рерих говорил с нарками Чичериным и Луначарским от имени Шамбалы, говорил как посол. Сила этого факта, а главным образом, та оценка курса и деятельности советского правительства, какая дана им Махатмами в своем послании руководителям нашей страны, недостаточно оценены.

Мне известно, сколько обществ имени Н.К.Рериха или носящих другие названия, но вызванных к жизни его деятельностью,

существуют в мире в данное время, но вполне возможно, что часть их в силу тех или иных обстоятельств, подобно Харбинскому обществу, перестала существовать. Поскольку выражение «перестали существовать» уместно в отношении всего грубо материального, постольку же оно лишено смысла в отношении всего духовного, идейного. Несомненно, рассеявшиеся члены бывших обществ Н.К.Рериха понесли с собою восхитившие их идеалы в широкие массы. Являя собою благородные примеры высокой нравственности и устремления к общему благу – они облагораживают окружающую среду и зажигают сердца. Таким образом, вместо угасания получается расширение, а, скорее всего – цепная реакция идей.

Итак, по Миру прошел Великий Учитель Жизни Николай Константинович Рерих – прошел как посол Шамбалы, как до него прошел овеянный легендами граф Сен Жермен и еще более древние послы. Посетив более 20 государств, он всюду оставил сияющий след. Лучшие музеи мира гордятся его картинами, всегда зовущими и будящими возвышенные мысли и чувства. Волнуют написанные им книги. Неизведанные пустыни хранят его след. Разноцветьем переливающихся красок сияют вершины Гималаев, где, у озера Великих Нагов, принял он «Агни-Йогу», великий дар человечеству, и, как свет на пути, принес нам. И так ли неправы те, кто приписывает ему особые свойства, которые как бы излучала его светлая личность? Вернемся еще раз к описанному в начале статьи случаю, когда бедный эмигрант в Харбине уверовал, что Рерих приносит людям счастье.

Многие прочитавшие об этом, наверное, зачислили его в разряд наивных простаков. Но приносить радость, сеять вокруг себя улыбку, вселять мужество и душевный мир в сердца окружающих, возвышать и одухотворять их помыслы – это удел истинно великих людей, это влияние их магнетизма.

Еще древнеэллинский мир знал эту истину; такие свойства, между прочим, приписывались Сократу. Приведем это древнее свидетельство:

«Я скажу вам, Сократ, – сказал Аристид, – нечто неверное, но, клянусь богами, истинное. Я становлюсь более удачным, когда имел касательство с вами и даже если находился только в одном доме с вами, хотя и не в той комнате. Но еще более это ощущалось, когда я находился в той же комнате, где вы находились... а еще больше, когда я смотрел на вас... Намного же способнее я становился, когда сидел вблизи вас и прикасался к вам...»

Описан случай в лаборатории знаменитого индийского биолога Джагадаш Боше, открывшего с помощью тончайших осциллографов пульс растений и их превосходную чувствительность. Боше хотел продемонстрировать перед Н.К.Рерихом смерть растения, которому тут же впрыснул яд. Но прошло время, обычно требующееся, чтобы яд мог оказать свое воздействие, а смерть растения не наступила. Лишь, когда Н.К.Рерих отдалился на несколько шагов, растение умерло. Боше сразу же отметил силу излучений Рериха.

Воспоминания, приведенные в этой статье, приношу как свидетельство и дань сердца Великому Учителю Жизни Н.К.Рериху в день столетия со дня его рождения. Земной поклон Учителю.

15 февраля 1973 года

А.П.Хейдок

ЕЩЕ ОБ УЧИТЕЛЕ ЖИЗНИ

В моей статье «Учитель жизни», посвященной академику Н.К.Рериху по случаю его векового юбилея, указывалось на одно, засвидетельствованное наблюдателями, свойство его светлой личности, а именно, благодетельное воздействие его ауры на окружающее, – он приносил людям удачу, облегчение...

Такое утверждение, несомненно, вызвало у некоторых скептиков улыбки и, возможно, насмешливые замечания. Предоставим им тешиться своим воображаемым превосходством, а для чуждых предвзятости объективно мыслящих людей приведем еще одно свидетельское показание о Н.К.Рерихе.

Последние десятилетия жизни Н.К.Рерих вместе с членами семьи провел в Индии, в своем имении, расположенном в овеянной древними легендами долине Кулу, где, по преданиям, родился Гаутама Будда. Там же был расположен основанный Рерихом Институт исследования Гималаев, прекративший свое существование во время Великой Отечественной войны.

После завершения многолетней Среднеазиатской экспедиции вместе с Рерихами сюда, в это имение, прибыли две сестры – Людмила и Ираида Богдановы, присоединившиеся к экспедиции в Монголии. Эти сестры провели всю жизнь в теснейшем сотрудничестве с Великой четой – Еленой Ивановной и Николаем Константиновичем Рерихами. После их смерти сестры вместе с Ю.Н. Рерихом верну-

лись в Советский Союз и поселились в Москве. Вскоре Ю.Н. Рерих и старшая сестра Людмила Богданова умерли, а младшая, Ираида Михайловна, ныне наследница и хранительница музея-квартиры Ю.Н. Рериха по Ленинскому проспекту, 38.

Итак – Ираида Михайловна свидетельствует:

«Когда мы жили в нашем имении Кулу, окрестные жители глубоко чтили и уважали Николая Константиновича, называли его Гуру, что по их понятию как бы духовный учитель и святой вместе.

В бедах и несчастьях приходили к нему не за материальной, а за духовной помощью.

Бывало, выхожу утром на двор поместья и вижу фигуру крестьянина из окрестностей или горца – стоит понуро, дожидается возможности, чтобы увидеть русского Гуру. В руках подношение: чашечка с рисом, сверху прикрытая красным цветком. Такой уж у них обычай, нельзя являться к святому или отшельнику с пустыми руками... Святой ведь, сам не сеет, стало быть – не жнет... И все они знают, что лучше всего через меня обратиться – я быстро научилась их языку.

– Скажите Гуру, что меня несчастье постигло! – просят они.

Ну, я иду к Николаю Константиновичу: так и так, человек просит.

Он мне указывает, куда посетителей привести, и сам туда идет. Я присутствую в качестве переводчицы. Кланяется посетитель:

– Помоги, Гуру! Меня несчастье постигло. Плохо мне!

Николай Константинович ласково похлопывает его рукою по плечу, поглаживает и по-русски говорит:

– Тебе будет хорошо! Хорошо будет!

При этом он сует в карман посетителю несколько рупий. И, про светлев, уходит посетитель.

– А бывает ли, что один и тот же посетитель приходит и другой раз, – почему-то спросил я Ираиду Михайловну.

– Как же, – ответила она, – очень часто приходят, но уже не за помощью, а с благодарностью.

– Спасибо! Помог ты мне, Гуру! – говорит. – Теперь я живу хорошо.

Так в сумраке серой обыденщины, над морем человеческих страстей и устремлений, среди борьбы сталкивающихся интересов и поверх границ стран и народов светило пламенеющее любовью к людям сердце Николая Константиновича, и на этот тихий свет, манящий и притягивающий, равно приходили за помощью как обездоленный русский, так и впавший в несчастье индеец и получали эту помощь.

ЖИЗНЬ БЕСТАЛАННА БЕЗ ГЕРОЯ

«Жизнь бесталанна без героя», – говорит народная мудрость. Человечество нуждается в идеалах, не в придуманных, а живых примерах «совершенных» людей, в которых осуществились лучшие мечты человечества. Такие достигшие высшего совершенства Высокие Индивидуальности проходят по всей истории человечества, но некоторые из них еще совсем недавно жили среди нас, они ходили по Земле, многие их видели и разговаривали с ними... Внешне они были обычными людьми, подвластными тем же законам материи, что и все мы, но вместе с тем, внутренняя их сущность принадлежала иной, божественной природе. З.Г.Фосдик в своем очерке «Великая жизнь» пишет: «Когда мы в редкие мгновения духовного подъема размышляем о жизнях великих духовных тружеников человечества, они становятся нам более близкими, хотя стоят несравненно выше нас, нашего духовного и умственного развития. Все их достижения – мудрость, знание законов Вселенной, величие духа, близость к Божественным Силам – наполняет нас изумлением и почитанием. Мы узнаем в них предтечей Великих Учителей человечества...»

Речь идет о замечательной семье Рерихов. Все они, Четверо, несли единую Чашу Подвига, были стражами, вестниками и хранителями «кубка Архангела», Учения Владык. Каждому из них должна быть посвящена отдельная, и не одна, книга. Каждый из них являл собой образец, идеал человека, каким ему надлежит быть в будущем. Все их действия и поступки были продиктованы высшим смыслом, в них не было ничего случайного, они полны соизмеримости, красоты и величия. Потому изучение их жизни во всех подробностях, кажущихся мелочах – а мелочей нет – позволяет нам понять их и, поняв, приблизиться к ним. А приблизившись к ним, мы неизбежно захотим подражать им, потому что как травы тянутся к солнцу, так и дух человеческий стремится к совершенству.

Жизнь Рерихов представляет собой сложную полифонию нескольких планов бытия. Может быть, особенно ярко эта полифония ощущается при знакомстве с жизнью Н.К.Рериха. Его младший сын, Святослав Николаевич писал об этом: «Я бы сказал, что Николай Константинович был олицетворением достижений многих людей, собранных воедино. В нем были соединены многие и многие достижения многих людей. Но поверх всего он был замечательный Чело-

век. Его проникновенная человечность является для меня самым ярким качеством и остается ведущим воспоминанием». Из всей полифонии жизни Николая Константиновича остановимся на этой, человеческой, стороне и попытаемся составить себе представление о ней на основе воспоминаний «сотрудников – свидетелей», по выражению Елены Ивановны Рерих, тех, кто в жизни своей имел счастье встретиться с Николаем Константиновичем лично.

Итак, каким же он был, старший из Рерихов, названный «Архатом», то есть тем, кто достиг наивысшего совершенства, возможного на Земле? В «Бхагават-Гите» любимый ученик Кришны Арджуна вопрошает своего Учителя: «Как говорит тот, чей ум успокоился? Как ходит он и как сидит?» Взглянув однажды на портрет Рериха, один из присутствовавших воскликнул, пораженный мощью его глаз: «Какие окна духа!»

В Учении Живой Этики сказано: «Спросят – как отличить приобщившегося к великому знанию? Чем больше знания, тем труднее распознать носителя его. Умеет он охранить Несказуемое»¹. «Если Агни Йога должна быть введена в жизнь, то носители ее не должны отличаться от внешности жизни. Агни Йог входит в жизнь незамеченным...»²

Внешне Николай Константинович ничем не выделялся, и никаких признаков внешнего величия в его облике не было. Он был среднего роста, носил обычный европейский костюм, и его отличала очень сдержанная и спокойная манера. Вот как описывает его сын – Святослав Николаевич Рерих. Художник-портретист, он находит очень выразительные и точные слова для описания внешности Николая Константиновича: «Всякий раз, когда я думаю о моем отце, я вижу перед собою его ясное и задумчивое лицо, его добрые фиолетово-синие глаза, которые временами могли становиться совершенно темными. Я слышу спокойный голос. Он никогда не повышал его. И все выражение лица отца отображало ту удивительную выдержку и самообладание, которые являлись основой его характера. Это было спокойствие незаурядного человека, серьезного и приветливого, вдумчивого, с замечательно острым чувством юмора...»

А вот что вспоминает о первой встрече с Рерихом Зинаида Григорьевна Фосдик, в будущем директор музея Рериха в Нью-Йорке. Потрясенная созерцанием величественных полотен художника, она пишет: «Для меня толпа уже не существовала, исчезла. Я стояла лицом к лицу с Беспредельностью... Я задыхалась, слезы наполняли глаза, мысли и эмоции били ключом в моем сердце. Мой до сих пор обособленный мир уступил дорогу миру неземной Красоты и Мудрости.

Кто-то вырвал меня из этого великолепия, настаивая на том, чтобы познакомить с художником. Я пошла почти неохотно и только теперь заметила присутствие толпы вокруг меня, и думала, каким уставшим и безразличным должен быть художник, смотрящий на тысячи лиц, встречающий десятки людей, которых он тут же забудет. Но он предстал передо мной с искрящимися синими глазами, благородным челом, излучающим какую-то особую доброжелательную силу. Его взгляд был пронизателен, как будто он мог заглянуть глубоко в душу человека и найти ее самую сущность».

Вечером того же дня Зинаида Григорьевна была приглашена в отель, где остановились Рерихи. «С первых глубокой мудростью наполненных слов, которые он произнес, – пишет она, – говоря со мной просто и мягко о Красоте и Труде, я узнала в нем благородного Вестника, посланного человечеству, чтобы возвысить их сердца и души, помочь в поисках истинного Знания и быть стойкими и бесстрашными в этих поисках». Так, при всей обычности внешнего облика Рериха, чуткое сердце будущей ближайшей сотрудницы распознало его истинное величие.

Приведем еще одно интересное свидетельство некоей англичанки, побывавшей в имении Рерихов в Кулу в 1942 году и видевшей Николая Константиновича уже в преклонном возрасте: «Старый профессор был в шерстяном костюме кремового цвета из очень мягкой материи ручной работы, в бархатной шапочке гранатового цвета. Он прекрасно выглядел. Я никогда не думала, что могу назвать старого человека красивым. Но в своем мягком шерстяном костюме, с круглой шапочкой, с длинной белой бородой и с кротким выражением лица он выглядел как патриарх. Его присутствие успокаивало, хотя, как все действительно великие люди, он не обесценивал и не умалял свои достижения. Если бы я даже никогда более не увидела Рериха, то все-таки всегда чувствовала бы его влияние».

Уже в приведенных описаниях внешнего облика Николая Константиновича отмечена одна черта, которая составляла основу его характера, по замечанию Святослава Николаевича, – выдержка и самообладание. «Во всех его движениях, – пишет он, – была уравновешенная гармония. Он никогда не спешил, и все же его продуктивность была изумительной. Когда он рисовал или писал, то делал это со спокойной обдуманностью. Когда он писал своим крупным почерком, он никогда не исправлял и не менял своих предложений, и менее всего своих мыслей. Это было постоянное поступательное устремление к известной определенной цели, и это

можно сказать о всей его жизни. При всех обстоятельствах и более трудных положениях он оставался спокойным и выдержанным и никогда не колебался в решениях».

Участник Баргинской экспедиции Рериха 30-х годов Николай Грамматчиков в своих воспоминаниях приводит ряд поразительных эпизодов, свидетелем которых он был. «Надо уметь заполнить время», – говорит Николай Константинович и сам является ярчайшим примером человека, у которого каждая минута заполнена.

Послеобеденный час; жара – 160 градусов по Фаренгейту. Весь лагерь, расположенный посреди раскаленных скал, не движется; точно умер, засох от этого пекла. Даже монгольские привычные кони сбились под дерево и стоят неподвижно, только хвостами помахивают, силясь отогнать мошкару. Люди или неподвижно сидят и пьют горячую воду, или лежат, силясь заснуть.

Николай Константинович, сидя на складном кресле, или под деревом, или в юрте, работает...

Воет страшный ветер, подымает тучи желтого песка, сдвигает, перевертывает юрты, изредка начинает падать перемешанный с песком снег, холод проникает в каждую щель, закутавшись, сидят члены экспедиции, стараясь согреться около печки.

Николай Константинович под вой ветра диктует статью, о чем-то высоком... прекрасном... добром...

С ревом несется по пустыне машина, пробегая милю за милей, идя к нужной цели. Несется – час, два, пять, десять, пятнадцать, семнадцать подряд; и шофера и пассажиры утомлены; засыпали по несколько раз, просыпались, сидя старались расправить затекшие члены, согреться; все мчались и мчались в туманную даль. Тяжки монгольские дороги, – редко попадет коротенькая прямая, а потом опять начнет дорога выписывать вензеля, машину кидает из стороны в сторону, подлетает она на ухабах, с воем ползет по глубоким пескам, взбирается на гору, летит по долинам.

Николай Константинович бросает несколько слов; через некоторое время еще заговорит, и по его словам видишь, что он и тут работает. Тут, в этой гонке по монгольским степям ни на минуту не прерывается его мысль...

...Тихо в лагере, на небе мерцают звезды, все спит...Только мерные шаги часового раздаются в этой тишине ночи. Наступает время смены, подходит сменяющий, при свете звезд кажущийся каким-то серым, неясным. «Ну как, все благополучно?» «Все ладно».

Подошедший кивает на юрту Николая Константиновича: «Спит?» «Нет».

Один шагает по лагерю, чутко прислушиваясь ко всем ночным звукам пустыни, другой отправляется спать. Через два часа новая смена. «Спит?» «Нет».

Только под самое утро слышно из юрты ровное дыхание спящего человека. Начальник экспедиции кончил работать. А с восходом солнца он уже выходит из юрты – здоровый, свежий, бодрый...

Сарат гонит, его фордик дает все, что может, стрелка спидометра подходит к 50 и колеблется около этой цифры. Сарат торопится... На такой скорости шоферская привычка дает себя знать, невольно впиваешься глазами в колеи, не обращая внимание на виды, мелькающие по сторонам. Вдруг становится заметным и быстро приближается к нам оказавшийся за поворотом большой камень, уютно примостившийся на нашей колее. Затормозить нет времени. Сарат делает легкий рывок – хочет перескочить в другую колею, но случается то, что обыкновенно случается в большинстве таких случаев: передок машины подпрыгнув идет по новой колее, зад заедает и, машина со скрипом и шипением задом начинает залетать в сторону.

По всем соображениям мы должны перевернуться. Кузов у машины старенький, разбитый, лопнет обязательно. Слышу, как правый скат отделяется от земли, крен все больше и больше... Но вот машина замедляет свое вращательное движение, хлопает поднявшимся на воздух скатом о землю и останавливается.

Поднятая пыль застилает все кругом; шумит на холостом ходу мотор. «А здорово, – прерывает молчание Юрий Николаевич, – задом наперед встали». Здорово не то, что задом наперед встали, мелькает у меня в мозгу, а то, почему мы вверх ногами не встали. Сарат тоже шофер, и по его побледневшему лицу и изумленным глазам вижу, что у него в голове то же.

Николай Константинович спокойно сидит и поглаживает свою серебристую бороду.

Случаев, подобных этому, когда так просто можно было выйти из состояния равновесия по той или иной причине, и когда Николай Константинович оставался все тем же ровным и спокойным, как будто ничего не произошло, можно привести столько, что получится целая книга. Никакие обстоятельства никогда не влияли на его настроение».

В Учении спокойствие называется венцом духа и как высшее достижение духовного пути часто не понимается, не вмещается средним человеческим сознанием. Давайте посмотрим, что говорит о нем Живая Этика.

«Условимся о значении понятия покоя. Около него наслоилось множество неверных и вредных толкований. Люди привыкли считать покой бездействием, таким путем он превращается в психическое расслабление... покой есть не что иное, как равновесие. Но равновесие есть равномерное напряжение энергии. Только таким путем можно возродить и укрепить силы...»³

«Много говорят о спокойствии мудрецов, но оно есть великое напряжение, настолько великое, что поверхность энергии становится зеркальной...»

«Отражение четко в спокойной поверхности... также и всеначальная энергия требует спокойствия, чтобы отражать Истину»⁴.

«Спокойствие йога есть напряжение океанской волны»⁵. «Спокойствие действия будет высшим напряжением, будет сверканием молнии, будет мечом охраняющим. Не сон, не могилы спокойствие, в нем рождается идея созидательная»⁶.

Именно глубочайшее равновесие всех приведенных в действие духовных энергий огромной мощи способствовало сбережению сил и приложению их в неустанном творческом труде. Известно много примеров феноменальной работоспособности Николая Константиновича. Уже в юности ему удавалось успешно совмещать занятия на двух факультетах в университете и в Академии художеств. Позднее, «в свою бытность директором Школы Императорского Общества Поощрения художеств, – по воспоминаниям Е.И.Рерих, – он был занят целыми днями, ибо школа была открыта с 9 утра до 10 часов вечера, да еще пол дня по воскресеньям. А, кроме того, в скольких других учреждениях Николай Константинович состоял председателем и основателем, или членом комитета, и сколько вечеров уходило на такое добровольное служение! Зимой он имел очень мало времени для своего художества, иногда проходили целые недели – и он не мог взяться за кисть; только летами, в течение трех месяцев, он работал с утра до ночи»⁷.

Святослав Николаевич отмечает, что ни у Николая Константиновича, ни у Елены Ивановны «не было светской жизни, эта жизнь их совершенно не интересовала... С самого утра и до позднего вечера их день был занят полезной работой. Днем были встречи, которые входили в орбиту общественной жизни отца, он делал также свои записи, в перерыве слушал музыку – это его освежало – и затем до позднего вечера продолжал свою работу. И так всегда его день был полностью занят кипучей творческой работой». Когда один журнал проводил предпраздничную анкету, опрашивая знаменитых людей о том, как проводят они праздни-

ки, Рерих ответил: «За работой: в чем же лучший праздник, как не в работе?» Без рисовки, для него это было правдой.

В период, когда Рерихи жили в Кулу, Николай Константинович, как и все члены семьи, вставал очень рано – в 5 часов утра – и приступал к работе над картинами. Святослав Николаевич отмечает, что «Николай Константинович никогда не торопился, не суетился, всегда работал размеренным темпом, но всегда успевал все сделать и успевал сделать больше, чем другие, которые торопились как можно быстрее что-то написать или что-то сделать».

Дювернуа также сообщает: «Не раз приходилось видеть, как он, работая над картиною, в то же время диктовал важное воззвание, или, диктуя документ, поддерживал два разговора. Когда же его спрашивали, как он вмещает это, ответ был: «Очень просто».

Работа Николая Константиновича продолжалась в любых условиях. Даже в его многочисленных поездках, в экспедициях он продолжал работу над картинами. Так, во время путешествия по Алтаю «к седлу был прикреплен маленький ящик – этюдник, и на ходу лошади он набрасывал красками пейзажи. Это редчайший случай такой художественной работы», – отмечает художник Л.Р.Цесюлевич. (Л.Р.Цесюлевич. Рерих и Алтай.) Находясь в труднейших походных условиях во время Трансгималайской экспедиции, Рерих написал около 500 картин.

Владимир Анатольевич Шibaев, в течение почти 20 лет бывший личным секретарем Рериха и живший долгое время в Кулу, вспоминает: «...характерная черта в творчестве Рериха, что он, твердо выработав план и цель действия (будь то картина, статья для журнала, важная встреча, разработка проекта учреждения), не позволял ни себе, ни другим ничем отвлекаться, чтобы, как он выражался, не нарушалась «прямизна полета стрелы» не пострадала «монологичность действий».

«...Никогда я не видел его праздным, бездействующим. Для него отдых был переменной занятый. Улучшением качества действия измерялся успех действия, ни одно действие не было так незначительно, чтобы им можно было пренебречь, и то же соизмеренно максимальное усилие применялось им как к малым, так и к великим действиям».

«...Человеку нужна строгая самодисциплина, неуклонное развитие, расширение и утончение сознания, сознательное сбережение творческой энергии и постоянное воздержание от таких недопустимых качеств, как ложь, лицемерие, присвоение, своекорыстие, пьян-

ство; страх он считал недопустимым, как и невежество..., ибо оно есть нежелание учиться».

Сам «он не знал страха, ничего не боялся, не пугался даже самых зловещих, чудовищных явлений жизни. Он считал, что всякий страх в корне основан на невежестве, и потому всегда повторял: «Нужно знать, знать, знать!» «Николай Константинович во всем всегда был зоркий, восприимчивый и настороже, всегда говорил мне, что жизнь его научила никогда не игнорировать «случайные замечания» и «всяких между прочим...»

«Утром Николай Константинович всегда приходил после завтрака вниз, в свою мастерскую или прилегавший к ней маленький кабинет, служивший и мне канцелярией; я уже ждал его там, зная, что у него уже мысленно готова не только статья, но и обычно ряд писем. Статью он диктовал мне прямо на машинку. ...Николай Константинович очень, очень редко менял текст, так как мыслил очень отчетливо, ясно... Он работал в высшей степени усердно и планомерно... Обычно статья была готова в одно утро, реже в два... И было все это так быстро, как бы само собою, как умел это только Николай Константинович, – и так же прост, умен и мудр был сам смысл сотворенного...

Так в своем устремлении Николай Константинович был постоянен и монолитен. Тогда как столь многие совершенно не понимают ценности времени, Николай Константинович умел трудиться, не отвлекаясь, непрерывно устремляясь прямо к цели и не уставая, не замедляя напряжения, пока не достигал и не заканчивал задуманное».

Интересны также детали повседневной жизни, подмеченные Шibaевым. «Сам Рерих, как и Елена Ивановна, вел почти суровую жизнь, никогда они не жаловались на лишения, даже не признавали их...»

«В своем устремленном напряжении он не требовал ничего для себя лично, довольствуясь минимумом удобств, не жаловался никогда, даже в самые трудные периоды жизни, ибо он вместил полностью, что препятствия и затруднения для него были лучшими, ближайшими ступенями к восхождению... никогда за все это время я не видел Рерихов в роскоши. Николай Константинович считал, что роскошь несоизмерима ни с красотой, ни со знанием, более того, что она колыбель всякой пошлости, и что она разрушение и разложение истинного ритма жизни, что она всегда была признаком упадка духа и что лишь человеческий эгоизм может считать ее заслуженным изобилием. Даже само понятие собственности в жизни Ре-

риха было скорее использованием средств и предметов на положительное, творческое, созидательное, общечеловечески полезное дело, а не трата их на себя или зря. Николай Константинович никогда не разбрасывал даже мелочь. На личном опыте я знаю также, что Николай Константинович был в высшей степени щедр во всех областях и на всех уровнях жизни со всеми. Он был, несомненно, одним из тех редких людей, которые любят больше давать, чем получать».

«В доме Рерихов никогда не бывало уныния. За период почти 20-ти лет я замечал всегда лишь явную степенную торжественность во всех их действиях, в разговорах, и чувство глубокого достоинства выдающихся по своей деятельности людей. Это чувство торжественности переходило от Николая Константиновича к собеседнику, будь то скромный человек, ищущий разрешения своих житейских и духовных проблем, или знатный представитель общественности, и она возвышала и облагораживала его».

«Всякие вопросы и проблемы Рерихи решали всегда тихо, достойно, я бы сказал, научно: по целесообразности и соизмеримости правильное решение могло быть только одно, и его они и принимали. Много таких указаний мы видим в статьях Рериха, например, в статье «Действие» из книги «Пути благословения»: «Однажды великий Акбар (император Индии из династии Великих Моголов) провел черту и спросил своего мудреца Бирбала, чтобы тот сократил ее, не урезывая и не касаясь концов ее. Бирбал параллельно провел более длинную линию, и тем самым линия Акбара была умалена. Мудрость заключается в проведении более длинной линии».

Я привел эту цитату потому, что нахожу ее типичной именно для самого Рериха – во всех сложных и затруднительных обстоятельствах он находил выход и решал быстро, неожиданно, эффективно и мудро проводил более длинную линию. Рерих также придавал большое значение тому, чтобы всякое действие шло искренно, как он выражался, «от чистого сердца»....Рерих придавал огромное значение слову «подвиг». Это видно не только из его многочисленных картин..., статей... Так и в его собственной жизни он совершенно отошел от самости, самовосхваления, самомнения, самоуспокоения – наоборот: самоотверженность и самопожертвование были выдающимися чертами его характера».

В связи с миссией Николая Константиновича как творца и вестника Культуры, создателя и руководителя многочисленных обществ, ему приходилось много путешествовать, встречаться со многими людьми. Особо следует поэтому остановиться на искусстве Николая Константиновича «творить отношения», которое Елена Иванов-

на называла самым трудным искусством. Нужно сказать, что круг его связей и общения был чрезвычайно широк. «Весь мир был полем его деятельности. Каждая страна представляла для него особый интерес и особое значение», – говорит Святослав Николаевич. Николай Константинович, встречаясь с людьми, легко и непосредственно вступал с ними в контакт, находя путь к сердцу каждого, вникая в интересы собеседника и увлекая его на лучшие и светлые пути.

«...Всюду, где он путешествовал, – рассказывает Шибаев, – он чувствовал себя как дома, для него как бы было «там, где я, там и дом мой». Он умел говорить, понять и быть понятым одинаково сердечно и искренне тибетским монахом-целителем, индусом, сингалезцем, американцем, арабом...»

Все, кому довелось встречаться с Николаем Константиновичем, сохранили о нем светлые и теплые воспоминания – от простых крестьян до ближайших духовных учеников и сотрудников. Как ему удавалось достичь такого удивительного взаимопонимания? Эта проблема носит для нас особенно актуальный характер, так как она входит в нашу каждодневную жизнь и постоянно волнует и вызывает множество вопросов.

Во всех высказываниях о Николае Константиновиче постоянно подчеркиваются его дружелюбие и простота. Так, Л.Р.Цесюлевич, рассказывая о пребывании Рерихов на Алтае, пишет: «Дружеские отношения сразу установились у Рерихов со всеми сельчанами. Сердца людей покоряла их простота, разговорчивость, любовь и уважение к людям. Особенно к ним привязывались дети». О пребывании на Алтае также рассказывает З.Г.Фосдик: «На пароходе мы познакомились с людьми всех классов и сословий – учителями, студентами, рабочими, молодежью всех возрастов. Николай Константинович, Елена Ивановна и Юрий Николаевич много беседовали с пассажирами. Последние, узнав что мы из Америки, засыпали нас вопросами, особенно интересуясь Индией и экспедицией Николая Константиновича. Рерихи вели многие беседы со многими, и Николай Константинович щедро давал свои исключительные знания слушателям... Говорил Николай Константинович увлекательно и просто, по уровню знания слушателей». И еще: «Николай Константинович беседует с жителями, встречными на пути, поражая всех общительностью и подходом к людям. Все для него значительны».

Из приведенных фрагментов видно, какое уважение и глубокую искреннюю заинтересованность испытывал Николай Константинович к каждому собеседнику, – и при этом без рисовки, без эгоистического желания понравиться собеседнику, завоевать его симпатии. Только

любовь, радость открытия человека, поддержание его светлых устремлений к знанию, труду, к строительству будущего – вот что руководило Рерихом. Елена Ивановна, которая, по ее признанию, знала зарождение и развитие почти каждой мысли Николая Константиновича, отмечала, что у него «нет ни одной личной мысли, все решительно направлено и отдано на служение общему благу».

И еще одно качество, редчайшее из редких, необходимо отметить – простоту. Об этом качестве в Живой Этике и в письмах Елены Ивановны сказано: «Знание приводит к простоте»⁸.

«...Простота свидетельствует о ясности понимания. Высшая Истина открывается лишь в величии простоты. Конечно, простота эта особая, так же, как и высшая радость есть особая мудрость»⁹.

«Искренность и простота – два мощных магнита и основы великого творчества отношений между людьми. Мало кто осознает всю важность этого творчества, на котором зиждятся все построения, вся эволюция!»¹⁰

«Когда идет речь о поднятии народного уровня, именно требуется простота во всей убедительности. Такое качество нужно не только принять умом, но и полюбить сердцем, из него произойдут и сотрудничество и братство»¹¹.

«Яро нужно стремиться к простоте»¹².

И еще. Елена Ивановна Рерих пишет: «...истинно приближенный или доверенный будет, именно, прост в своей жизни, стараясь внешне ничем не выделяться, и будет молчать о достижениях своих»¹³.

Вспомним, как и Николай Константинович писал: «Те, кто встречал в жизни Учителей, знает, как просты и гармоничны и как прекрасны Они». И Николай Константинович этой гармонией и простотой, которые он нес во всем своем облике, свидетельствовал о своей близости к Ним.

Как-то вспоминая с своим учителе живописи в Париже Пюви де Шаванне, Николай Константинович писал: «Когда великий мастер Пюви де Шаванн высказывал свое мнение об искусстве, он всегда отличался чудесной терпимостью. Так, например, я помню, как однажды, посетив с ним одну выставку, я был поражен, с какой тонкостью он находил положительные и доброжелательные отзывы для самых разнообразных произведений. Лишь иногда мастер проходил молча – это был знак отрицания».

Это восхитившее его качество Николай Константинович впоследствии взял на вооружение и постоянно его применял и в отношении своих коллег, и в отношении друзей и сотрудников. Как пишет Елена Ивановна, «глаз добрый» полагается им в основу его отношений к

людям, в стремлении дать всем надежду на преуспевание и радость творчества»¹⁴. «Ведь никто не уходил от него отягощенным, наоборот, он умел облегчить ношу каждого и направить на новый путь, путь устремления и мужественно осознанного труда во имя общего блага».

А вот что вспоминает о своем учителе З.Г.Фосдик: «...всегда сострадательный, он облегчал душевную боль тех, кто приходил к нему. Он никогда не умалял, но всегда возвышал, находя в каждом, даже в самом малом сознании, семя добра. Он великодушно хвалил, когда был замечен хоть маленький прогресс, побуждал к еще большим достижениям. Радостно он приветствовал добрую душу и замолкал, когда зло давало о себе знать в его присутствии».

Так Николай Константинович следовал указанию Учителя: «Надо в удвоенное стекло смотреть на все доброе и в десять раз уменьшать явления несовершенства, иначе останетесь прежними»¹⁶.

Когда-то еще в юности художника отец Иоанн Кронштадтский завещал Рериху: «Во всех трудах своих смотри в основу и углубляй добро». И этому завету Николай Константинович следовал всю жизнь.

Крестьяне алтайского села Верх-Уймон, рассказывая о приезде Рерихов в августе 1926 года, прежде всего, отмечают, что все они были необыкновенно красивые и добрые. В связи с этим вспоминается эпизод из жизнеописания Аполлония Тианского. Когда Аполлоний Тианский, находясь среди индийских мудрецов в Гималайской Твердыне, спросил их главу, кем они себя считают, тот ответил: «Богами». «Почему?» – спросил Аполлоний. «Потому что мы добрые люди», – последовал ответ. Так не является ли доброта главным признаком божественности? Вспоминается замечательное высказывание из Учения Живой Этики: «...все Собратья и сотрудники внешне несут обычные земные облики. Но даже и при условностях обликов сердечность будет сквозить в каждом взгляде и улыбке»¹⁷.

Одна из книг Рериха, посвященная Трансгималайской экспедиции, называется «Сердце Азии». Биограф Рериха Жан Дювернуа в связи с этим пишет: «Не определил ли художник самим названием книги смысл того, что сделало успешной его экспедицию? Не прикоснулся ли он к сердцу человеческому, которое открыло ему все пути?» И – продолжим – не то же ли прикосновение к сердцу человеческому сделало успешной и всю миссию Рериха как вестника культуры? Вспомним, что он раскрывал понятие Культуры как Культ Света. В «Живой Этике» говорится: «...культ Света есть культ Сердца. Понять это отвлеченно, значит, оставить сердце в холоде. Но, как только Свет солнца-сердца

сделается жизнью, потребность тепла магнита засияет, как истинное солнце...Учение о Сердце светло, как солнце, и тепло сердца спешит так же быстро, как и солнечный луч»¹⁸. «Сердце, предавшееся добру, излучает благодать непрестанно»¹⁹.

Однажды знаменитый биолог демонстрировал Рериху процесс умирания растения: «Сейчас я дам яд этой лилии, и вы увидите, как она вздрогнет и погибнет», – сказал он. Но вместо поникания лилия поднялась еще выше. Ученый задумался: «Давно предугадывал я, что эманации некоторых сильных энергий должны влиять на окружающие физиологические процессы. Вы препятствуете смерти растения, отойдите подальше». И действительно, когда Рерих отошел, жизнь растения прекратилась.

Так и во всех делах участие в них, зримое и незримое, Николая Константиновича вносило жизнь и препятствовало смерти. «Можно ли в земной жизни совершать лишь полезные действия? – вопрошает Живая Этика. – Конечно можно. Легко представить целую жизнь, как непрерывный поток полезности для других»²⁰. Именно таким непрерывным потоком даяния и служения была жизнь Н.К.Рериха. Елена Ивановна писала о нем: «Путь Учения, путь служения, есть, прежде всего, путь самоотречения и самопожертвования, но радостен этот путь, когда в сердце горит любовь к Иерархии Света. Все тернии обращаются в благоухающие фризии. Пример такого служения и являет Николай Константинович. Если бы Вы знали всю тяготу его, то, воистину, ужаснулись бы этой ноше непомерной! Но, именно, в нем горит такая любовь, такая преданность, такое устремление к принесению всего себя на общее благо, что он все принимает с великою готовностью и радостью. И разве не великая радость заключается в сознании исполненного долга перед человечеством?»²¹

«Сеятели добрые идут по миру, когда содрогается человечество»²². Именно таким добрым сеятелем был Н.К.Рерих. Семена добра, посеянные им, непрестанно дают и будут давать все новые всходы в сердцах и душах людей. Они заключены в сиянии его полотен, в глубинах его литературной мысли, ими насыщено пространство. Ведь «мысль не умирает в пространстве... Нет предела распространению ее». Также и Великие Духовные Индивидуальности, носители этой мысли, не умирают. Они продолжают Служение тому делу, которому посвятили свою земную жизнь. И каждый раз, когда мы участвуем в осуществлении их идей, они устремляются к нам на помощь, посылая силы, вдохновение и устремляя на лучшие пути.

НЕУГАСИМЫЙ СВЕТ ТЕРНОВОГО ВЕНЦА*

«Поучительно замечать, как народный глаз и народный ум возвращаются к своим героям, в многообразном подвиге которых выражена душа народная»²³.

«Почитание героев – великий предмет, самый серьезный и самый обширный, какой я только знаю и который я обозначаю этими словами, не желая быть уж слишком серьезным. Почитание героев, по моему мнению, глубоко врезывается в тайну путей, которыми идет человечество в этом мире, и в тайну его самых жизненных интересов, и оно вполне заслуживает в настоящее время обстоятельного изучения и истолкования»²⁴.

Этот разговор со Святославом Николаевичем состоялся у меня во время его последнего визита в Москву в 1989 г. Мы сидели с ним в холле правительственного особняка на Ленинских горах, который ему предоставили. Был конец дня, на окна напоздали стальные осенние сумерки, дневная суматоха кончилась, и Святослав Николаевич сидел, устало откинувшись на спинку кожаного кресла.

– Мда, – неожиданно раздалось около меня. – Мда.

Это знаменитое «мда», как всегда, означало приглашение к разговору. И я неожиданно для себя спросила:

– Что сейчас самое главное в нашей жизни?

– Видите ли, – сказал он, как будто размышляя, – самое главное сейчас герои. Да, да, не удивляйтесь, именно герои. Они многое смогут свершить.

Я промолчала, но про себя подумала, что вряд ли эта тема заслуживает того, чтобы быть такой важной. Герой есть герой. Чего-чего, а героев у нас в стране хватало. Но это не избавило нас от многих бед. Тогда я не подозревала, что смысл, который он и я вкладывали в это понятие, был разный.

---

* Вступительная статья к книге Н.К.Рерих «Душа народов», изд-во МЦР, Москва 1995г.

Некоторое время спустя мне в руки попала стенограмма выступления Святослава Николаевича 1984 года в Политехническом музее. «Главное – надо устремляться, – говорил он тогда. – Устремление – это та энергия, которая необходима для всего в нашей жизни. Поэтому выберем себе те идеалы, к которым мы всегда будем стремиться и в которых сможем воспитать наших детей. В этом мы возвращаемся сейчас к нашему древнему эпосу, когда создавались былинные образы героев, царей. Народ их знал, народ их почитал. И даже если народ был безграмотным, он знал их как великие первоосновы жизни, прообразы, которые тоже вышли из народа. И эти былины, и эпос народов других стран играют величайшую роль в воспитании широких кругов человечества. Поэтому будем всячески охранять эти вехи прошлого, оставленные нам. Будем стремиться строить жизнь, наше прекрасное будущее по этим замечательным вехам».

Святослав Николаевич подходил к пониманию героя как к «великой первооснове жизни». Для меня же герой сводился или к героическому поступку или к звездочке «Героя Советского Союза» и «Героя Социалистического труда», Я понимала, что в этой своей трактовке была не одинока, многие мыслили такими же идеологическими клише, которые долгое время господствовали в нашей жизни.

Он как бы протянул ниточку между древностью и современностью, и ниточка эта содержала философскую суть понятия героя, его тайну и его эволюционную значимость.

...Герои начинались с мифов, с той изначальной информации, которую несла в себе космическая искра духа, вошедшая в косную земную материю. Герои были неотъемлемой частью мифотворческого энергетического процесса, как и боги, солнце и звезды. Наряду с последними они являлись той первоосновой, без которой не мог существовать и развиваться человеческий дух и его сознание. Мифология дала нам все те особенности героев, которые впоследствии, на уровне иных типов мышления, получили философское осмысление.

В изначальных мифологиях, несущих на себе явный отсвет энергетики и эволюции иных миров, герой и божество или бог представляют собой как бы единое целое. В процессе космического первостворения сам бог несет в себе то героическое начало, без которого не могло быть бога. Это качество позволяет божеству, представляющему одухотворенный Космос, вести борьбу с хаосом, упорядочивать его и проявлять его формы. Так же, как и присутствие божественного начала в самом герое дает ему возможность превращать хаос в космос человеческого общества.

В более поздний период развития земного мышления, характеризующегося высоким уровнем дифференциации, герой и божество отдаляются друг от друга, сохраняя при этом изначальные свои качества. Этот процесс нашел свое выражение в мифологическом цикле о героях, особенно в греческой классической мифологии. Символический момент, в котором возникновение героя трактуется как результат любви богов и смертных, объясняет особенности эволюционного развития этой сущности. Герой проходит этап полу-бога-получеловека, но при этом утрачивает свое божественное бессмертие. Иными словами, он отличается от обычного человека своими особыми качествами, но уже, как и этот человек, познает рождение и смерть – явления трехмерного физического мира. Становясь земным, герой входит в естественное противоречие с небом, хотя и сам несет его в себе, а также с небожителями. Ибо с момента начала процесса его «заземления» на него уже распространяется Великий закон свободной воли в его человеческом измерении. Герои совершают поступки, противоречащие воле богов, и тем самым как бы проходят через жестокие испытания, набирая опыт земных взаимоотношений с богами. Нередко земное, или материя, берет над ними верх и подавляет их божественный дух. Мифологическое противостояние богов и героев есть отражение борьбы духа и материи в энергетическом процессе эволюции Космоса. Боги наказывали героев не только за непослушание, но и за то, что они осмеливались пользоваться на земле способностями, привилегия на которые принадлежала лишь богам. Так, Зевс поразил Асклепия, сына бога Аполлона и смертной женщины Кронида, за то, что тот пытался воскрешать людей. Когда Геракл похитил яблоки Гесперид, дающие вечную молодость, то Афина отобрала их у него. Прометей был наказан богами за то, что похитил огонь и дал его людям. Особенностью «незаконных» поступков героев является то, что эти поступки совершаются во имя людей, ради их блага.

Мифология повествует нам о том, как трудно формируются герои, те избранные, которые становятся гордостью богов и людей. Великий герой появляется в результате труда нескольких поколений героев. Так Зевс, например, трижды вступал в брак со смертными женщинами – Ио, Данаей и Алкменой, чтобы через тридцать поколений родился Геракл.

Со временем из героев, воюющих с богами, мифология создала культурных героев. На смену Гераклу и Персею пришел искусный мастер Дедал, строители Фив Зет и Амфион, певец и укротитель стихий Орфей, прорицатели Тересий, Калхант, Трофоний, законодатель

Тесей, а также многие другие, чьи имена остались в самых разных мифологиях нашей планеты. Они научили людей строить, сеять, петь, играть на музыкальных инструментах, соблюдать законы, обучили их мастерству и искусству. Процесс обучения был чрезвычайно тяжел и длителен, материя сопротивлялась как могла, но энергетика культурных героев, постепенно преодолевая препятствие за препятствием, меняла мышление и сознание человечества. Первоначальные столкновения с богами сменились гармоничными отношениями с ними, и культурные герои выступали в качестве посредников между людьми и богами, между небом и землей. Так, сохраняя свою связь с Высшими мирами и сущностями, герои пробивали для человечества энергетический коридор эволюционного восхождения и прокладывали пути одухотворения тяжелой и косной земной материи.

Вслед за культурными героями появились эпические герои, более, чем первые, приближенные к земле, но сохранявшие свою связь с Высшими мирами. Над эпическими героями уже восходила заря ранней истории земного человечества. Мифологическое время еще жило в эпическом, но происходили необратимые изменения и формировалось собственно эпическое время, которое повествовало «не о творении мира, а о заре национальной истории, об устройстве древнейших государственных образований»²⁵. Таким образом, эпические герои, связанные с Высшими мирами и богами, подобно героям мифов, осветили светом этого Высшего начало человеческой истории и придали ей тот Космический импульс, который и напитал нужной энергетикой зарождавшийся исторический процесс. Эпос и эпические сказания стали космической опорой развивающейся культуры человечества и ее национальных форм. Ибо в эпосе каждого народа содержится образ его героического прошлого, в котором данный народ черпает свою силу в годы тяжелых испытаний, опираясь на традиционно сложившиеся нравственные ценности, на свое историческое достоинство.

Связь эпических героев с культурными героями, а через них с мифами и эпохой первотворения, создала интереснейшее эволюционное явление, суть которого до сих пор по-настоящему еще не исследована. Ниточка между божеством, культурным героем, эпическим героем и, наконец, историческим оказалась настолько крепкой и энергетически стабильной, что в истории возникали иногда моменты, когда бог, культурный герой и историческая личность сливались как бы в одно целое и запутывали в своих призрачных сетях не только исследователей, но и целые народы. Ярчайшим примером такого феномена является Кецалькоатль – «пернатый змей», бог и

человек, культ которого в течение долгого времени существовал среди народов Центральной Америки. Кецалькоатль считался богом-творцом, культурным героем и в то же время являлся исторической личностью. У ацтеков было предание, что Кецалькоатль – правитель Тулы – покинул страну на плоту и обещал вернуться. Поэтому, когда испанцы-конквистадоры появились в Мексике, ацтеки приняли Кортеса, их предводителя, за вернувшегося Кецалькоатля. Результаты этой исторической иллюзии нам хорошо известны.

То же самое можно сказать и об Одине, скандинавском боже-стве и культурном герое. «Человек Один, – пишет о нем английский философ Т. Карлейль, – обладавший словом и сердцем героя и силой производить впечатление, ниспосланной ему с неба, раскрыл своему народу значение отваги, указал, как благодаря ей человек становится богом, и народ его, чувствуя в сердце своем отклик на эту проповедь, поверил в его миссию и признал ее тем, что послано небом, а его самого, принесшего им эту весть, божеством».²⁶

Явление героя в истории человечества и его эволюции есть та веха, с которой начинается процесс синтеза или изменений в человеческом мышлении и сознании. Энергетика истинного героя, как правило, согласована с ритмом Космического Магнита. Такое согласование складывается в течение длительного времени. «Все образы героев духа, – сказано в одной из книг Учения «Живой Этики», – могут быть изображены как несущие Чашу. Все мироздание отражается в Чаше духа Огненного. Ведь Чаша имеет в себе вековые накопления, которые собираются вокруг зерна духа»²⁷. Иными словами, герой как личность несет в себе проявленную энергетику Высшего Мира, Мира Огненного, что дает ему возможность показать бесстрашие, терпение и понимание эволюционных задач, недоступных простому смертному.

«Сознание, озаренное пониманием непреложности подвига, может встретить Новый Мир. Такое сознание примет устремление к борьбе против тьмы и сумеет противостоять всем исчадиям ада... На пути к Миру Огненному насытим дух сознанием подвига»²⁸.

Герой есть главное энергетическое начало на этом пути в мире физическом. Он является как бы энергетическим сердцем народного сознания, его путеводной звездой, вне зависимости от судьбы, которая ему достается. Он есть персонифицированная связь этого народа, осознанная или неосознанная, с Высшим, ибо в нем изначально воплощается творческая энергия Космической Иерархии. «Герой – тот, – писал Т. Карлейль, – кто живет во внутренней сфере вещей; в истинном, божественном, вечном, существующем всегда, хотя и незримо для большинства, под оболочкой временного и по-

шлого: его существо там; высказываясь, он возвещает вовне этот внутренний мир поступком или словом, как придется. Его жизнь... есть частица жизни вечного сердца самой природы; такова жизнь и всех вообще людей, но многие слабые не знают действительности и не остаются верными ей, немногие же сильные – сильны, героичны, вечны, так как ничто не может скрыть ее от них»²⁹.

Способность в земных условиях постичь реальность вещей и явлений требует мужества и отваги, умения соотнести земной мир с мирами иных состояний материи. «Кроме подвига внешнего героизма может быть ценный подвиг незримый. В духе подвижник постигает высшее творчество и тем становится пособником Творца. На Земле и над Землею, в двух мирах сливается мысль постигающая, и такой подвиг звучит на спасение человечества»³⁰. Именно такого качества героизм присущ тем, кто составляет, если можно так сказать, авангардный отряд человечества, указующий последнему путь в запутанных коридорах космической эволюции. Находясь как бы между двумя мирами, небесным и земным, Высшим и физическим, они, тем не менее, не отрываясь от того и другого, несут и выполняют свою космическую миссию. Как сказано в «Живой Этике», герой «не отрывается от земли, действуя для духа»³¹. Эти последние слова и раскрывают главную суть понятия «герой», истинная сущность которого связана с духом. И если рассматривать проблему героя с точки зрения взаимодействия духа и материи, то дух, персонифицированный в определенном герое, и есть та движущая сила, которая и пробивает энергетические коридоры дальнейшего одухотворения земной материи. Через героя и его подвиг действует космическая молния удара по веществу, которая продвигает человеческое мышление и сознание и создает для человечества возможность взять очередную эволюционную высоту.

«Искра удара рождает подвиг»³², – сказано в одной из книг «Живой Этики». И еще: «Так осмотрим каждое явление – не ведет ли оно к подвигу? Так будем следить за всем подвигающим. Кто же может предугадать, какой именно обратный удар двинет новые обстоятельства? Но без удара вещество не придет в движение. Называют очагом подвига эти удары по веществу»³³.

Как мы видим, за привычным понятием героя стоят сложнейшие явления Космоса, его энергетики, его эволюции. Победа духа над материей, которую несет в себе герой и его энергетика, не может состояться в нашем физическом мире, если нет истинных героев духа, приносящих своим подвигом жертву на Алтарь эволюции всего человечества.

«Великие огненные сподвижники – краса и радость планеты. Должно человечество оказать благодарность этим помощникам»³⁴. Почитание героев, их культ существовал в истории человечества с самых древнейших времен. Из этого понятия выросло множество направлений человеческого духа и человеческой мысли, начиная от различных систем религиозных верований и кончая земным творчеством в различных его проявлениях. Этические моменты, так необходимые в жизни любого народа, возникали благодаря почитанию, удивлению перед подвигами героев, на подражании им, на обожествлении их. Народ, лишенный чувства почитания своих героев, теряет свою историю, не осознает собственного достоинства и, наконец, утрачивает свою культуру, для которой энергетика подвига является одной из основных опор.

«Я считаю почитание героев, – пишет Т. Карлейль, – великим отличительным признаком в системах древней мысли. То, что я называю густо переплетшейся чащей язычества, выросло из многих корней; всякое удивление, всякое поклонение какой-либо звезде или какому-либо предмету составляло корень или одну из нитей корня, но почитание героев – самый глубокий корень из всех, главный, стержневой корень, который в значительнейшей мере питает и растит все остальное»³⁵.

Томас Карлейль, один из немногих философов, глубоко проникший в проблему героя, сумевший сделать выводы, созвучные идеям и подходам, которые мы находим в «Живой Этике», ставит эту проблему как одну из основных в эволюции человечества. И в этом оказывается правым. «Я думаю, что уважение к героям, в различные эпохи проявляющееся различным способом, является душой общественных отношений между людьми и что способ выражения этого уважения служит истинным масштабом для оценки степени нормальности или ненормальности господствующих в мире отношений»³⁶.

Почти то же самое пишет и Николай Константинович Рерих в своем очерке «Король Альберт»: «Человечество должно беречь своих героев. Также оно должно беречь и память о них, ибо в ней уже будет здоровое, созидательное вдохновение. Жизнь уныла без героя. Тем ценнее, если такие герои не только имеются на страницах преданий, переходя в божественные мифы, но они оказываются посланными и в наше время»³⁷.

Удивительно точно умел писать Рерих – «Жизнь уныла без героя». Эти, казалось бы, простые слова охватывают весь сложный комплекс эволюции человечества и развития его духа. Если бы героев не существовало, то их, как и Бога, надо было бы придумать. Нельзя

допустить унылой жизни. К счастью, и Тот и другие существовали и существуют и не только скрашивают нашу жизнь, но и создают ее.

Образы героев развивались и изменялись вместе с движением сознания человечества. Изначальные мифы доносят до нас сказания о богах-героях, информация о которых пришла вместе с искрой духа и соответствовала тому мышлению и сознанию, которое мы называем мифологическим. Этому же уровню сознания соответствовала и эпоха обожествления героев. Религиозное сознание принесло нам героев-пророков, Великих учителей, создавших религиозные Учения. Затем наступил период героев-поэтов, как определяет его Т. Карлейль. Герой-поэт – понятие весьма широкое и в какой-то мере условное. Речь в данном случае идет о творческой личности, обладающей качествами героя. Эта форма героизма в значительной мере присутствует в научном мышлении и сознании. В этот период герой теряет свою древнюю целостную форму и воплощается во множестве форм человеческой деятельности, носящей творческий характер. И в этом разнообразии форм (святой, подвижник, ученый, поэт и т.д.) всегда присутствует в качестве фундаментального понятия изначальный герой, в котором и была заключена основная эволюционная суть. Героическое начало есть тот скрепляющий состав, который объединяет разные формы человеческой деятельности и является в то же время реальным инструментом самого эволюционного синтеза.

«Герой дан – должен ли он стать завоевателем, королем, философом, поэтом? Это явится результатом невыразимо сложных и спорных расчетов между миром и героем. Он станет читать мир и его законы; мир со своими законами будет перед ним, чтобы быть прочитанным. То, чему мир в этом деле даст совершиться, что он признает, составляет, как мы сказали, самый важный по отношению к миру факт»³⁸.

Истинное героическое начало, как было уже сказано выше, предполагает связь с Высшим. Ибо эта связь и проявляет героя в земных условиях. Но были в человеческой истории такие периоды, когда эта связь порывалась. Так произошло в XVIII веке, когда формировалось новое научное мышление и сознание в отрыве от религиозного сознания. Это случилось в результате церковного преследования научной мысли. Вместе с верой ушли и герои. «Самая возможность героизма отрицалась тогда, так сказать, формально в сознании всех людей. Героизм прошел навсегда; наступили тривиальность, формализм, общие места, наступили, чтобы остаться навсегда. Мир опорожненный, где удивлению, величию, божеству не было уже бо-

лее места; одним словом, безбожный мир»³⁹. Однако ничего в нашем земном мире не существует вечно. Проходит какой-либо век с его конкретной энергетикой, наступают иные времена, которые открывают человечеству новые возможности и новые горизонты...

Героическое начало есть особое энергетическое явление, которое, как золотой дождь, оплодотворяет косную земную материю и заставляет ее плодоносить, в какой бы области человеческой деятельности это ни происходило. Это начало присутствует в таланте, гениальности, уникальном даровании. Оно превращает личность, обладающую этими способностями, в носителя света, что является на нашей земле тяжелым и опасным занятием. Отсутствие героического начала в творческой личности лишает ее творчество, в какой бы форме оно ни выступало, одухотворенности и света. «Героическое дарование», как называет это явление Т. Карлейль, определяет весь комплекс способностей и талантов человека. Если героического дарования в человеке нет, то любое другое будет выражено слабо или совсем не выражено. Иными словами, героическое начало, присутствующее в личности, обуславливает весь ход ее эволюционного развития, пути ее совершенствования и результаты ее творческих усилий. Оно же определяет и наличие тех качеств, которые отличают их носителя от других.

Нередко эти качества бывают несовместимы с обывательской психологией толпы и вызывают у последней протест и неприятие. «Дни великих подвигов пусть живут в памяти вашей, – сказано в одной из книг «Живой Этики». – Они, как цветы весенние, могут обновлять сознание. Труды подвигов были тяжки, особенно своей отделенностью от сознания масс. Обычно случается, что подвижник не знает своих истинных сотрудников, лишь иногда он издали может послать им привет»⁴⁰.

Героическое, будучи явлением более высокого мира иного измерения, представляет в нашем физическом мире то, что мы называем вечной ценностью. И, как талант, оно или есть в человеке, или его нет. Из ничего оно взяться не может, героическое начало личность приносит с собой в этот мир для того, чтобы реализовать его в сужденной ему борьбе, труде или творчестве.

И, конечно, важнейшее достоинство героя – отвага, умение преодолеть страх. Без этого нет героя как такового. Мужество и бесстрашие, причем не одноразовое, не моментное, а долговременное и постоянное, проявляемое во всех деяниях, мыслях и поступках. Подвиг любого истинного героя, кем бы он ни был – воином или святым, вождем или поэтом, королем или художником, невозможен

без этого героического качества. Энергетика подлинного героя такова, что это качество не расходуется им по мере проявления его, а, наоборот, все время воспроизводится и не иссякает. Именно с мужеством и подавлением страха связаны сильные проявления правдивости и искренности, свойственные герою как таковому. «Первая обязанность человека, – пишет Т.Карлейль, – подавить чувство страха. Мы должны быть свободны от него, иначе мы не можем действовать. Иначе поступки наши – поступки рабов; не искренние, а лишь для глаза, даже мысли наши фальшивы: мы мыслим, как рабы и трусы, пока не научились попирать страх ногами. Мы должны быть мужественны, идти вперед, храбро завоевывать свободу – в спокойной уверенности, что мы призваны и избраны высшей силой, – и не должны бояться. Насколько человек побеждает страх, настолько он – человек»⁴¹.

Последние слова – самые важные в этом блистательном фрагменте. Они свидетельствуют о том, что именно героическое начало есть основа самосовершенствования человека в процессе эволюции и что те, кто являются носителями этого начала, и становятся теми, кто играет важнейшую и непреходящую роль в этом процессе. Без этого начала человек не станет человеком; без него не состоится его эволюция. В обществе и в отдельном человеке идет напряженная борьба между страхом и необходимостью проявить мужество, иными словами, между свободным героизмом духа и трусливым бытием, погруженным в объятия успокаивающей материи. Уровень одухотворенности человека измеряется его внутренней свободой и отвагой. Той внутренней свободой и отвагой, которая в подлинном герое проявлена и вследствие этого направлена уже вовне.

Проблема героического одухотворения человека и общества крайне важна, ибо даже великий герой не в состоянии управлять толпой трусов и рабов. Высокий уровень одухотворенности героя неизбежно приводит к тому, что его видение мира и вещей, как правило, иное, нежели у простых смертных. То, что не видит обычный человек, хотя тайна сия может лежать на поверхности, доступно взору подлинного героя. Такую тайну Гете называет «открыто лежащим на виду у всех секретом». Карлейль же пишет о том, что герой «сквозь внешнюю видимость вещей проникает в самую суть их»⁴². И прекрасно сказал об этом великий русский поэт А.С.Пушкин, героическая звезда которого до сих пор ярко и неумолимо горит на небосклоне российской культуры. В своем стихотворении «Пророк» он показал суть героического так, как никому не удавалось до него.

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,—
И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился.
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,—
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замерзшие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».⁴³

Здесь все так точно и истинно, как может написать лишь гений. А слова «исполнись волею моею», обращенные к пророку, стоят многих философских трудов, анализирующих связь человека с Высшим.

Каждый человек, в ком живет героическое духовное начало, исполняется именно этой Высшей волей, несет сужденную ему миссию с полной верой в эту Волю. В этом убеждении и вере герой преодолевает все препятствия на своем пути.

Недоверие и ирония окружающих, как правило, сопутствуют выполнению такой миссии. Соседи и друзья высмеяли создателя великой религии Мухаммеда, который, будучи простым и малограмотным

человеком, объявил им о своем намерении. Когда Жанна д'Арк, семнадцатилетняя деревенская девушка, попросила хозяина замка устроить ей встречу с королем Франции ради спасения страны, то встретила лишь насмешки. Их поступки внешне выглядели аналогично и наивно, хотя внутренне они были исполнены той Высшей волей, о которой писал Пушкин в своем «Пророке». В отличие от обычных людей, они эту волю приняли к исполнению, твердо убежденные в своем предназначении. Людям же, лишенным героического начала, это было непонятно. Гениальный роман Сервантеса «Дон Кихот» повествует о той же несоотнесенности внутреннего мира героя и внешнего мира обывателей, чей взгляд всегда упирается в землю, оставляя дух идеального герою-одиночке, даже такому смешному, как Дон Кихот. Но смешным Дон Кихот являлся лишь в глазах обывателей, в то время как в себе он нес трагедию умирающего героизма рыцарской эпохи. Роман Сервантеса глубоко философичен, и его обличающая сила направлена против трусов и холопов, которые начинали становиться во времена Дон Кихота хозяевами жизни. Сам Дон Кихот, пройдя через жестокие испытания, не был сломлен духовно. Именно несломимость духа и благородная готовность, несмотря ни на какие обстоятельства, прийти другому на помощь свойственны подлинному герою. Лишь героические личности способны на полное самоотречение во имя Общего Блага, во имя задач Космической эволюции, которые им приходится выполнять. «Только отказавшиеся сознательно от личного и перенесшие сознание в понятие эволюции Мира могут в нашем понимании называться подвижниками»⁴⁴, – сказано в одной из книг «Живой Этики».

Такие качества, как отсутствие самости и себялюбия, щедрость и бескорыстие, великодушие и благородство, высокий ум и отзывчивое сердце – дополняют тот облик подвижника и творца, в котором господствует героическое начало, продвигающее не только самого героя, но и народ, среди которого живет и действует эта великая личность. «Герои, – писал Н.К.Рерих, – во время их стремительного подвига и не подозревали, что они являются выразителями стран, выразителями самой ценной конденсированной психологии. Они творили Благо. Они следовали своему непосредственному зову сердца. Иначе они и не могли бы действовать, ибо иначе они не были бы теми самыми героями, память о которых не только живет, но и возносится и углубляется в пронизательности народной»⁴⁵.

Герой, в каком бы обличьи он ни был, проявляет и оформляет то, что нередко подсознательно живет в самом народе. Поэтому роль героя в истории человечества, в развитии его духовной культуры и росте его сознания велика и определяюща.

«... Всемирная история, – отмечает Т.Карлейль, – история того, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности, история великих людей, потрудившихся здесь на земле. Они, эти великие люди, были вождями человечества, воспитателями, образцами и в широком смысле творцами всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть; все содеянное в этом мире представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежащих великим людям, посланным в наш мир. История этих последних составляет, поистине, душу всей мировой истории»⁴⁶.

Карлейль сравнивает героическую личность с молнией, и в этом сравнении заключен глубочайший смысл. Ибо герой несет в своей энергетике искры Огненного Мира, через который Космическая Иерархия воздействует на эволюцию земного человечества и его историю. «Великий человек, с его свободной силой, исходящей прямо из рук Божьих, есть молния. Его слово – мудрое, спасительное слово; в него могут все поверить. Все воспламеняется вокруг этого человека, раз он ударяет своим словом, и все пылает огнем, подобным его собственному»⁴⁷.

Так же кратко и точно выражает свою мысль об историческом назначении героя Николай Константинович Рерих, в ней звучит одна из важнейших идей «Живой Этики»: «Жизнь героя ведет человечество. Как исток вдохновений, как мера прекрасного, как побудитель мужества – так звучит голос истинного героизма»⁴⁸.

И хотя герой в действиях и мыслях нередко опережает свое время, выступая в качестве ведущей силы в эволюционном процессе, ему приходится существовать и работать в конкретных исторических условиях. И тут возникают противоречия между побуждениями и устремлениями великой личности и материей самого исторического процесса. Эти противоречия, как правило, создают самые тяжелые, а подчас и трагические условия для такой личности, делая ее труд нередко опасным и неблагодарным.

«Не во всемирном услышании идет герой духа, но в истинном испытании чаши яда»⁴⁹. В одиночестве он прокладывает свой земной путь, на котором его поджидают страдания и тот терновый венец, которым Земля обычно венчает своих лучших и великих. Терновый венец, осуждение современников, а нередко клевета и поношения есть те отличительные знаки, которыми земное человечество награждает своих героических сыновей и дочерей, без которых оно само никогда не смогло бы подняться по ступеням эволюционного восхождения.

Но таковы законы физического мира, таковы особенности взаимодействия духа и материи в этом мире. Герой, являясь олицетворением Космического духа, вступает в борьбу с косной материей, стараясь одухотворить ее своей энергетикой, своей мыслью, своим действием. Он стремится поднять на эту борьбу и тех, в ком материя не дает подняться мысли и сознанию. Будучи облеченным важной миссией, герой уходит из этого мира, увенчанный терновым венцом. Этот венец и сам герой неразрывно связаны друг с другом. В этом диалектика жизни земных героев, несущих на землю небо, в котором в этой земной юдоли страданий и печали далеко не все нуждаются. «Какой бог, – пишет по этому поводу Карлейль, – мог когда-нибудь пробиться в открытые церковные собрания или в какой-нибудь сколько-нибудь влиятельный синедрион? Когда какое-либо божество было «приятно» людям? Обыкновенный порядок вещей состоит в том, что люди вешают своих богов, убивают, распинают на кресте и в течение нескольких столетий попирают их ногами, пока они вдруг открывают, что то были боги, тогда они опять-таки на очень глупый манер начинают блеять и кричать»⁵⁰.

И как всегда убедительно и проникновенно звучат слова Рериха: «Никто не имеет права сожигать Жанну д'Арк. Кому дано право унижить Рембрандта? В сложных для земного глаза судьбах звучат законы и высокие, и требующие особых выражений. Нищета Рембрандта – величественна. Костер Жанны д'Арк – прекрасен. Тернии Конфуция – поучительны. Терновый Великий Венец ведет мир»⁵¹.

В этих последних словах о терновом Венце заключена глубокая и важнейшая мысль об эволюционно-историческом значении героев. «Терновый Великий Венец ведет мир». Можно ли сказать ярче и точнее? Именно такое понимание роли героев в человеческой истории и эволюции заставило Николая Константиновича Рериха все время обращаться в своем творчестве к этой теме. Все мы помним художественно выразительные, наполненные биением высокой философской мысли его картины: «Звезда Героя», «Слава Герою», «Пламень Герою», «Чаша Герою», а также «Жанна д'Арк», «Гесэр-хан», «Христос», «Святой Сергей Радонежский», «Святой Франциск» и многие другие. На его полотнах – воины, святые, религиозные Учителя – все те, которые двигали историю и эволюцию человечества, через которых осуществлялось ведущее начало Космической Иерархии и чьи жизни явились примером героизма и самоотречения. Их терновые Венцы вели, ведут и будут вести мир, творя земную историю человечества по Великим космическим законам. Отношением к этим подвижникам история будет судить народ, эпоху и отдельного человека. «В

истории всякой великой эпохи самый важный факт представляет то, каким образом люди относятся к появлению среди них великого человека»⁵². Это опять Карлейль. Этим же отношением будет измеряться качество мышления людей и уровень их сознания.

Рерихом написана целая серия очерков, посвященных героям и героическому началу в истории человечества. Многие из этих очерков вошли в предлагаемый читателю сборник. Николай Константинович выделяет в деятельности и судьбе великих людей наиболее существенное. Перед нами – эпические, исторические и современные герои: Роланд, трубящий в рог и призывающий воинство Франции, рыцари Круглого Стола, их король Артур, таинственный Грааль, к которому вечно устремлен дух человеческий, герой германских сказаний и мифов отважный Зигфрид, Франциск Ассизский, Далай-Лама V, Акбар – император далекой Индии, до сих пор не оцененный историками Чингис-хан, Лао-цзы, Конфуций, греческие мыслители Платон и Сократ, а также Ермак, Святой Антоний, Пламенный Исаак Сирийский, духовный воитель и создатель русской культуры Святой Сергий Радонежский, святая Екатерина, святая Тереза, святые и мыслители Рамакришна и Вивекананда, Ориген – борец за истинность христианского учения.

Каждый из них прошел свой земной путь, выполнил свою миссию, оставил яркий след в истории своего народа и достойно пронес свой терновый венец.

Среди очерков, включенных в сборник, особое внимание заслуживает очерк «Душа народов», в котором Рерих дает как бы общую картину процесса, рождающего героев в земных условиях, и рассматривает роль героев в созидательной деятельности разных народов. Герои есть выразители духа народа, его сознания – справедливо утверждает Николай Константинович. Иными словами, герой есть персонифицированный дух народа, появляющийся в необходимое для этого народа время или эпоху. Среди русских героев и подвижников особо выделяется имя и облик Святого Сергия Радонежского. «Опять далеко за пределами церковного подвига, – пишет Рерих, – строительное и просветительное имя Святого Сергия хранится в сердцах как драгоценнейший Ковчег духа. Хранится оно как прибежище народного сознания в трудные минуты мировых переполюсов»⁵³.

Святому Сергию Николай Константинович посвятил не один очерк, но «Свет неугасимый» самый впечатляющий среди них. «Высокий Воспитатель русского народного духа, Истинный Подвижник Православия, Воевода за правду и строительство Преподобный Сергий Радонежский является крепким прибежищем русского народа во

все трудные годы земли русской. Жизнеописание Преподобного Сергия говорят о многих знаменательных чудесах Преподобного, и чудеса эти просияли не только при жизни Подвижника, но и после отхода Его в течение всех веков и до сего дня»⁵⁴.

Благословивший Дмитрия Донского на решительную битву с татарами на поле Куликовом Сергей Радонежский был истинным строителем и хранителем русского государства. «Русская государственность не погибнет до тех пор, пока у Раки Преподобного будет гореть лампада»⁵⁵, – приводит Рерих слова крупнейшего русского историка Ключевского.

И удивительно современно сейчас звучат рериховские слова, написанные им о Сергии Радонежском в 1934 г.: «Невместно и неприлично русским людям позволять силам темным разлагать и разъединять. Невместно перед Святым Ликом клеветать и лжесвидетельствовать. Невместно исполняться страхом и сомнением там, где горит правда Христова, вознесенная Священным Воеводою земли русской Преподобным Сергием»⁵⁶.

Тогда, в этом черном для России году, начинались массовые репрессии, унесшие многие жизни. Рерих как бы обращался к тем, кто не выдерживал испытания страхом, и призывал их укрепить свой дух именем Великого русского Святого. Сейчас, в иное время и в других обстоятельствах, эти слова звучат не менее актуально. «Невместно и неприлично русским людям позволять силам темным разлагать и разъединять». Приходится только удивляться этим словам, сказанным русским художником в нашем веке, на которые его вдохновил героический подвиг святого, жившего более шести веков назад. Видимо, духовно-энергетическое влияние таких великих личностей, каким был Сергей Радонежский, длится многие века и будет существовать еще долго в пространстве, называемом Россией. И мы еще не раз назовем это имя и прибегнем к его помощи.

Рерих создал при своем Музее в Нью-Йорке общество Святого Сергия и посвятил его созидательной жизни ряд прекрасных полотен, одно из которых находится в Третьяковской галерее, а другое в Музее Н.К.Рериха при Международном Центре Рерихов.

И еще одна героическая личность заслуживает особого упоминания. Это Жанна д'Арк, спасшая Францию в XV веке. Среди многих великих деятелей ее звезда сверкает наиболее ярко на небосклоне истории человечества. Жанна д'Арк была как бы олицетворением духа самого подвига, самого героизма в его чистом и абсолютном выражении. Все те качества, о которых писалось выше, как бы сложились в ней в сверкающий кристалл, полыхающий огнем великого

Служения и не менее великого претворения. И если когда-либо свершалось Чудо на этой грешной и многострадальной земле, то это было явление Жанны д'Арк. Оно свершилось на глазах многих ее современников, но не было ими увидено и не было ими осознано. Современники ошельмовали чудо, а затем сожгли его и тем самым еще раз доказали, что человечество еще не достойно истинных чудес.

«Но Великий Закон должен был в ней (Жанне д'Арк) найти еще одно светлое свидетельство Истины. Пламень ее сердца, пламень костра – венец пламенный, все это далеко поверх обычных законов. Даже поверх обычного воображения человеческого»⁵⁷. И это рериховское «поверх обычных законов» сразу дает нам представление о сути совершенного Жанной и о том Высшем, с которым она была связана.

В 1429 г. семнадцатилетняя крестьянская девушка покинула свою деревню. Через два года она была сожжена на костре. В коротком промежутке между этими датами она короновала короля Франции, реорганизовала разложившуюся армию и освободила захваченные врагом французские города. Если бы это не свершилось в действительности, никто бы не поверил в такую возможность. Но это не имело для нее самой особого значения, главное – что она верила Тем, Кто направил ее по равному, но тернистому пути. И своими действиями она, будучи натурой абсолютно героической, сумела преодолеть противоречие между двумя мирами – нашим физическим и тем Высшим, откуда шли задания. Нисколько не колеблясь и полностью убежденная в своей правоте, она отправилась в замок к сирю Роберу де Бодрикуру и сказала ему буквально следующее:

«Я к вам от Мессира. Пошлите сказать Дофину, чтобы он крепко держался, но битвы врагам не давал... потому что до Преполовения Мессир поможет Дофину... Воля Мессира, чтобы Дофин был королем, и вопреки всем врагам своим он им будет: я это сделаю, отведу его на королевское венчание...

– Кто же такой этот Мессир? – спросил Бодрикур с удивлением.

– Царь Небесный, – ответила Жанна»⁵⁸.

Хохочущая челядь вытолкала ее из замка. В собственной деревне на нее показывали пальцами, бегали за ней и кричали: «Вот кто восстановит королевский престол и спасет Францию!» Жанна гордо шагала в своей красной заплатанной юбке и не обращала внимания на своих обидчиков.

(Я так подробно останавливаюсь на всем этом, чтобы показать тот абсолютный героизм, которым обладала эта девушка. Приведенные факты взяты Мережковским из французских источников и являются подлинными).

Отношение окружающих не остановило Жанну. Она вновь отправилась к Бодрикуру и, несмотря на случившееся в его замке, имела мужество вновь заявить ему:

«Знайте, Мессир, что Господь снова велел мне идти к Дофину, чтобы, взяв у него ратных людей, освободить Орлеан и отвести Дофина в Реймс на венчание!»⁵⁹

Бодрикур, естественно, не поверил ни единому ее слову. Но положение Франции было отчаянным, англичане захватили значительную ее часть, и конца этой безжалостной и разорительной войне не было видно.

Через несколько месяцев Жанна в сопровождении двух рыцарей отправилась в Нанси к герцогу Лоренскому.

Потом случилось все так, как ей было сказано. Она возглавила разбитую армию и как опытный полководец повела ее на врага. На какое-то время в своих серебряных латах и на белом коне она стала главной фигурой на исторической сцене Франции, на которой разыгрывался один из самых ее трагических спектаклей. Устремленная к своей высокой цели, ведомая Высшим, она, возможно, и не подозревала, что трусы и завистники уже начали плести ту паутину, в которую ей суждено было попасть. Среди них первыми были церковники, которые отстаивали свою монополию на связь с Высшим и не могли простить Жанне ее прямого контакта с Ним.

Позже главный судья Жанны, епископ Бовезский Пьер Кошон, напишет главному инквизитору Франции Жану Граверену: «Дело идет о том, чтобы сохранить целостность святой католической веры. Истине дать воссиять может только Святейшая Инквизиция»⁶⁰. Если Великий Инквизитор Достоевского решил сжечь Христа за то, что он «пришел нам мешать», то костер Жанны имел тот же самый смысл.

И Церковь, и королевский двор понимали, что если оставить Жанну д'Арк в живых, она будет мощным соперником им обоим. Ее популярность в народе росла, и противостоять этому не могли ни Святейшая Инквизиция, ни король. В «знак благодарности» она была выдана врагу. Суд церкви, затеянный над ней, продолжался шесть изнурительных месяцев.

«21 февраля 1431 г., – пишет Д. Мережковский, – в восемь часов утра в часовню Руанского замка в присутствии монсиньора епископа Бовезского, Пьера Кошона, брата Лемэтра, заместника главного инквизитора Франции, Генриха, герцога Бедфордского, архиепископа Винчестерского и кардинала Англии, а также множества французских и английских епископов, аббатов, священников, архидиаконов, каноников, монахов бенедиктинского, доминиканского, фран-

цисканского и других орденов, докторов и бакалавров богословия и законоведения, – введена была для первого допроса Жанна, с цепями на ногах...»⁶¹.

Цель у достопочтенного собрания была одна – доказать, что Голоса, которые послали Жанну освободить Францию, были не от Бога, а от дьявола. Многочисленным ученым богословам и церковным иерархам путем различного рода подмен и словесных изощрений удалось это сделать.

В 9 часов утра 30 мая 1431 г. Жанну вывели из тюрьмы, посадили в телегу и под охраной восьмидесяти ратников повезли через Руан на площадь Старого рынка у церкви Христа Спасителя. Там было сооружено три помоста: первый для «увещевания милосердного», второй для судей и самый высокий с поленницей дров для костра. К столбу этого помоста была прибита доска с надписью: «Жанна, рекомая Дева, лгунья злоковарная, пагубная обманщица, колдунья, кощунница... служительница дьяволов, отступница, еретица и раскольница»⁶².

Со второго помоста епископ Бовезский прочел приговор: «Именем Господним... мы объявляем тебе, Жанна, что должно тебе, как члену гнилому, быть из Церкви исторгнутой, дабы всех остальных членов не заразить...»⁶³. Так Церковь отлучила от своей «благодати» Вестника Высшего, посланного на помощь многострадальному народу.

Палач вывел Жанну на помост. На ней была длинная белая рубаша, пропитанная серой, на бритую голову надвинута остроконечная желтая митра. На митре большими черными буквами выведено: «Еретица, Вероотступница, Идолопоклонница».

Вспыхнул костер, и дым поднялся высоко к синему небу. Вечером пепел бросили в реку.

Вскоре из Парижского Университета было направлено письмо Папе, главе Католической Церкви. «В смерти этой несчастной девушки обнаружилось до очевидности, – писали ученые-богословы, – сколь опасно и пагубно слишком легко доверять сим новым, в христианском королевстве нашем с недавнего времени не только этой женщиной, но и многими другими, подобными ей, рассеваемым бредням... Всех добрых сынов Римской католической Церкви должен бы остеречь этот столь наглядный пример от того, чтобы слишком полагаться на свой собственный разум, и научить прилепляться к учению Церкви больше... нежели к басням суеверных жен»⁶⁴.

Полагаю, что письмо в особых комментариях не нуждается. Однако в нем содержится, хотя и в завуалированной форме, нечто такое, что заставляет поразмыслить. Речь идет об упомянутых «но-

вых бреднях». Высшие голоса и видения не были чем-то новым в христианской практике. Новое заключалось совсем в ином, хотя и было тесно связано с подобной практикой.

На лазоревом фоне знамени Жанны был выткан белый голубь, считавшийся в ортодоксальном христианстве символом Духа Святого. Жанна ради этого голубя отказалась от личного герба, пожалованного ей королем за заслуги перед Францией.

Христианская троица – Отец, Сын и Дух Святой – и учение о трех Мирах различных состояний материи, которое мы находим в Живой Этике, имеют одну и ту же подоплеку. Жанна д'Арк не только слышала голоса, пославшие ее на бой за независимость Франции, но она была причастна к учению о Святом Духе как символе третьего состояния материи, или Мира Огненного.

«Вспомним согласно-повторяющееся, – пишет Д. Мережковский, который был не только писателем, но и крупным философом, – в веках от Августина в «Граде Божием» до Иоахима Флорского в «Вечном Евангелии», то видимое, то невидимое, тайное, как течение подземной реки, учение о Трех Заветах. Только два Лица Божия – Сын и Отец – увидены христианством во временном, историческом, известном нам Евангелии, а в неизвестном, в Апокалипсическом, Вечном – увидены будут все три Лица – Отец, Сын и Дух»⁶⁵.

«В первом Завете, Отца, – цитирует философ Иоахима Флорского, – звездный свет, ночной; во втором Завете, Сына, – Свет утренний, сумеречный; в третьем Завете, Духа, – дневной, солнечный. В первом – Закон, во втором – Любовь, в третьем – Свобода»⁶⁶. Этот Третий завет, который исповедовала Жанна, связывал ее с другой героической личностью, воплотившейся на земле два века до нее, Франциском Ассизским. Известно, что существовало Третье Братство Святого Франциска – «Третье Царство Духа». Так в глубинах средневековой христианской церкви складывались новые представления о мироустройстве, носителем которых была Жанна д'Арк. Третий Завет заключал в себе такие понятия, как Дух, Свобода, Огонь. Иными словами, все те составляющие, которые образуют Огненный Мир, высокую цель Космической эволюции человечества.

Роль Жанны д'Арк была не только исторической, но и эволюционной. Иоахим Флорский, Франциск Ассизский и Жанна д'Арк были первыми вестниками Мира Огненного. Они принесли на землю весть о нем и сами прошли через соприкосновение с огнем в земных условиях, ощутив на себе третье состояние мировой материи.

«Я крещу вас в воде ... Но идущий за мною сильнее меня ... Он будет крестить вас Духом Святым и Огнем»⁶⁷.

«Дух-Свобода-Огонь»; в этом религиозном опыте, уже почти геометрически для нас очевидно, Иоахим, Франциск и Жанна стоят на какой-то последней между двумя Заветами черте: между «вторым состоянием мира, водным», в Сыне, и «третьим, огненным», в Духе; на какой-то соединяющей их точке – последней Второго Завета и первой Третьего»⁶⁸.

Судьба Жанны д'Арк и ее воплощение дает нам уникальную возможность проследить дальнейшее развитие этого огненного опыта во времени и пространстве. Явление Елены Ивановны Рерих, одной из самых героических личностей нашего века, продолжило огненный опыт Жанны д'Арк, не в столь трагических обстоятельствах, но достаточно сложных. Цель энергетического эксперимента, который с ее участием проводили Космические Иерархи, состояла в том, чтобы сдвинуться с первой точки Огненного Мира и пройти дальше, в глубь его энергетики. Такое действие было жизненно-необходимым для данного этапа Космической эволюции человечества. Так же, как и остальных, Елену Ивановну не миновал терновый Венец страданий, боли, непонимания и клеветы. Но она хорошо помнила, что Жанна прошла и выдержала более тяжелую судьбу. Без того опыта, который обрела она в 1431 г., эксперимент XX века не смог бы состояться. Как обычный человек совершенствуется из воплощения в воплощение, так и герой или выдающаяся личность выполняют свое задание нередко на протяжении нескольких жизней.

«Но на земле, как в горниле, – писала Елена Ивановна, – самые разнообразные энергии сталкиваются, притягиваются и уявляются на очищении и трансмутации в более совершенные или тонкие энергии под воздействием огня пробужденного духа, от таких столкновений и неожиданных соединений различных энергий нарождаются новые энергии, несущие новое творчество, новые возможности. Земля есть место испытания, искупления и великого творчества»⁶⁹.

В этом состояла новая творческая концепция Космических Иерархов. Прежде всего Земля, опора на ней, низведение на нее высших энергий. Только таким путем можно преобразовать плотную материю земного мира, утончив ее и повысив ее энергетический потенциал. Учитель называл этот процесс – «коснуться Неба на Земле».

Лучи Космических Иерархов, как тонкие хирургические инструменты, формировали новую энергетику Елены Ивановны Рерих, в которой Земля сопрягалась с миром иных состояний материи и прежде всего с Миром Огненным, миром духотворчества, без которого невозможно было ни обновление Земли, ни новый ее эволюционный виток, к которому стремился одухотворенный Космос.

И как бы подводя итоги своего земного пути, она писала в одном из писем: «Мне уже 70 лет, и я прошла Огненную Йогу... Как неземно трудно принимать в физическом теле среди обычных условий огненные энергии. Огненная трансмутация утончила мой организм, я остро чувствую всю дисгармонию и все пространственные токи, мне трудно среди людей...»⁷⁰.

Елена Ивановна и Николай Константинович Рерихи героически выполнили свою миссию на этой земле, создав в сотрудничестве с Великими душами учение Живой Этики, учение о Космической эволюции и Огненном Мире. И так же, как и другие героические личности, остались до сих пор по-настоящему не понятыми своими современниками. Оба они, глубоко понимая эволюционное значение героического начала, всячески старались поддержать его достоинство и защитить его историческую суть.

«... Там, где понятие героя является чем-то смешным и даже неприличным, там разложение. По этому признаку можно судить о дряхлости нации. Завет Величайшего Духа, покидавшего нашу планету, своим оставшимся Братьям был – «творите героев!». Пришло время, когда мы все должны стать героями и творить героев»⁷¹.

XIX век, время становления буржуазных отношений, стандартизации общества, мало подходил для явления героев и их почитания. Это был век, «отрицающий, так сказать, – писал Т. Карлейль, – самое существование великих людей, отрицающий самую желательность их»⁷². И еще: «Если сами мы холопы, для нас не может быть героев»⁷³. Пришедший ему на смену XX век, время социальных взрывов и катастроф, в значительной мере усложнил проблемы героического начала, обострил его диалектику, вынес на поверхность того, кто называется антигероем (Он сформировался в ситуации, когда развитие техники и конвейерного производства привело к господству материи и сузило до предела пространство духа).

С этой точки зрения наиболее интересна для размышлений и исследований история России последних восьмидесяти лет. Именно в ее пространстве чаще, чем в какой-либо иной стране, звучало слово – «герой». Именно здесь в последние девять лет как бы неожиданно, но устойчиво сформировалось явление антигероя.

Революция 1917 г. среди своих разрушений, пламени и крови создала пьедестал для героев. Слова – «герои революции», «герои гражданской войны» – звучали чаще иных. На пьедестале оказались самые разные люди – и подлинные герои, и те, которые, подделываясь под героев, всяческими ухищрениями добивались официального признания. Революция давала место и тем, и другим. В хаосе разрушения и круше-

ний прежних устоев жизни нередко случалось так, что недостойный присваивал лавры подлинного героя. Трагедия и фарс, истинный героизм и предательство шли рядом. Но несмотря на все это, революция высоко держала знамя Героя, иногда, в силу сложившихся обстоятельств, трактуя его по-своему. Эти же исторические обстоятельства формировали и облик самого героя, воинственность которого, жестокость и непреклонность ценились выше других качеств. В то же время подлинные герои революции обладали способностью к самопожертвованию и нередко забывали о себе во имя Общего дела, как они его понимали.

«В том, что человек так или иначе поклоняется героям, — пишет Т. Карлейль, — что мы, все мы, почитаем и обязательно будем почитать великих людей, я вижу живую скалу среди возможных крушений, единственную устойчивую точку в современной революционной истории, которая иначе представлялась бы бездонной или безбрежной»⁷⁴.

Иными словами, в самом явлении героизма, даже революционного, заложено то созидательное начало, которое противостоит всем разрушениям и хаосу. Хотя революция, без сомнения, несет в себе разрушительное начало. И лишь истинный героизм, заключающий в себе созидание, есть тот фундамент, опираясь на который начинают действовать созидательные силы Нового мира. С этой точки зрения фигура вождя революции В.И. Ленина обретает значение мирового масштаба. Когда в «Общине», в одной из книг «Живой Этики», Учителя дают справедливо высокую оценку его личности, они имеют в виду, в первую очередь, то героическое начало, которое неизменно в нем присутствовало. И как бы ни оценивали его современники, а эти оценки имеют широкий диапазон от плюса до минуса, от обожествления до разрушения его памятников, незыблемым остается одно — его явная роль в коренном преобразовании мира.

Оценивая деятельность руководителей Французской Революции, Т. Карлейль отмечает: «Но когда самый путь оказывается неровен, когда он исполнен борьбы, затруднений и опасностей, то духовный полководец, ведущий народ по такому пути, приобретает преимущественный перед всеми другими интерес для пользующихся плодами его руководства. Это — воинствующий и ратоборствующий пастырь, он ведет свой народ не к мирному и честному труду, как в эпохи спокойной жизни, а к честной и отважной борьбе, как это бывает во времена всеобщего насилия и разъединения, что представляет более опасное и достойное служение, безразлично, будет ли оно в то же время более возвышенным или нет»⁷⁵. Этот короткий фрагмент, написанный крупным философом XIX века, глубоко и точно объясняет трагедию и назначение человека, подобного Ленину. Определение — будет ли служение такой

личности «более возвышенным или нет», увязано с той исторической ситуацией, в которой эта великая личность действует и творит. То земное пространство, в котором она находится, неизбежно накладывает на нее свой отпечаток. Такой личности бывают свойственны ошибки, и поступки ее бывают не столь возвышенными, как хотелось бы.

Но как бы то ни было, то героическое начало, которое присутствовало в вожде русской революции, было в нем главным и определяющим. Оно как бы сконцентрировало в себе качества многих народных героев, их стремления и надежды. Ленин умер, не доведя до конца той созидательной работы, которую он складывал в самых неблагоприятных для себя условиях.

Вождь, пришедший ему на смену, был создателем той системы, которую мы называем тоталитарной. Настала эпоха угнетения человеческого духа и мысли, кровавых расправ с инакомыслящими, страха и приспособленчества. Героизм в стране в это время был возведен в культ, но содержание его далеко не соответствовало самому слову. «Страна героев» далеко не отвечала тем требованиям, которые предъявляла к такому понятию космическая эволюция. Здесь произошла та же подмена, которая возникла в других областях человеческой деятельности страны. Эти подмены нарушали Великие космические законы, искажали эволюционный путь страны, замедляли развитие духа целого народа. Само понятие героя и героизма было невероятно обужено государственной идеологией. Всевластие правящей партии привело к тому, что герои назначались исходя из интересов этой партии и государства. «Герой Советского Союза», «Герой Социалистического Труда», золотые звездочки на лацканах пиджаков удостоившихся этого звания, специальные привилегии, безусловное уважение к носителям этих званий. Маски героев надевали на самых разных людей, и зачастую их нравственные качества не соответствовали не только чертам подлинных героев, но и обычных людей. Официальная сцена тоталитарного государства не могла обойтись без этих масок и золотых звездочек. «Страна героев» должна была оправдать свое название. Имена героев были известны всем, на этих именах пытались воспитывать молодое поколение. Однако вся система «героического» воспитания была шаткой, ненадежной и могла развалиться от первого же прикосновения реально осознанной жизни. В то же время подлинные герои – философы, ученые, писатели, воины, духовные водители не были известны народу, нередко они находились в тюрьмах, гибли в концлагерях, были вычеркнуты властной рукой из жизни страны, томились в изгнании. Несмотря на тяжелейшие условия жизни, они, как подлинные герои, не при-

способливались к обстоятельствам, а стремились подчинить их себе; не меняли под давлением страха своих взглядов и убеждений, не сдавались духовно на милость «победителей». Их имена, вырванные временем из забвения, стали нам известны потом: П.Флоренский, Н.Вавилов, А.Лосев, А.Солженицын, Л.Гумилев, А.Ахматова и другие, многие другие, которые и составили, несмотря на гибельные обстоятельства их существования, духовно-героическую основу нашего народа. Эти имена продолжают жить в нашей благодарной памяти. Всегда так было и так будет – героя венчает терновый Венец, а не призрачная корона ненадежной любви власть предержащих.

На смену маскам героев, созданных тоталитарным режимом, пришли антигерои – знамение нашего времени. Нравственно не обремененные, меряющие свое достоинство деньгами, готовые на преступления и совершающие эти преступления, развращающие народ своими низкопробными шоу – они считают свободу вседозволенностью и средством материальной наживы. Они оказывают самое губительное воздействие на страну в целом. Их разрушительный потенциал – яркое свидетельство того, что героическое созидательное начало им чуждо. Среди этой огромной стаи антигероев, выплывших на поверхность, есть и бизнесмены, и члены правительства, и мафиози, и государственные чиновники, и услужливые политики, и продажные журналисты. И вновь, как во времена тоталитаризма, не допущены к власти и главным делам страны подлинные герои.

Сейчас, когда нашему обществу навязывают чуждые взгляды и чуждые ценности, как никогда мы нуждаемся в проявлении истинного героического начала, которое скрыто в глубине народа, в его духовных хранилищах.

Можно утверждать, что противостояние подлинных героев и антигероев, носителей света и приверженцев тьмы, есть главное направление духовного развития нашей страны и народа в данный период. Пока существует в народе опора для героического начала, народ этот останется народом, хранящим свое духовное и историческое достояние. Исчезновение этого начала приводит к разрушению и гибели самого народа. «Не может человек более печальным образом засвидетельствовать свое собственное ничтожество, как высказывая неверие в великого человека»⁷⁶.

Вот почему тогда, в 1989 году, когда никто из нас и не подозревал, что нас ждет впереди, мудрец и мыслитель Святослав Николаевич Рерих пронизательно сказал: «Нужны герои».

Когда надвигается тьма, только неугасимый свет героев может ее победить и рассеять. Будем помнить об этом.

Использованная литература:

1. Учение «Живая Этика», книга «Братство», §562.
2. У.Ж.Э., книга «Агни Йога», §187.
3. У.Ж.Э., книга «Братство», §44.
4. У.Ж.Э., книга «Братство», §132.
5. У.Ж.Э., книга «Агни Йога», §201.
6. У.Ж.Э., книга «Надземное», §36.
7. Из письма Е.И.Рерих («Письма», том III, дата 04.01.39).
8. У.Ж.Э., книга «АУМ», §508.
9. Из письма Е.И.Рерих («Письма», том II, дата 25.6.36).
10. Из письма Е.И.Рерих («Письма», том I, дата 24.4.31).
11. У.Ж.Э., книга «Братство», §479.
12. У.Ж.Э., книга «Община», §250.
13. Из письма Е.И.Рерих («Письма», том I, дата 12.8.34).
14. Из письма Е.И.Рерих («Письма», том II, дата 11.6.35).
15. Из письма Елены Ивановны к З.Г. Фосдик от 13.01.48.
16. У.Ж.Э., книга «Листы Сада Мории» книга первая, Июнь 15.
17. У.Ж.Э., книга «Надземное», §40.
18. У.Ж.Э., книга «Сердце», §62.
19. У.Ж.Э., книга «Сердце», §63.
20. У.Ж.Э., книга «Мир Огненный», ч. I, §445.
21. Из письма Е.И.Рерих («Письма», том I, дата 2.6.34).
22. У.Ж.Э., книга «Братство», §610.
23. Н.К.Рерих. «Твердыня Пламенная». Рига, 1991, стр. 150.
24. Т. Карлейль. «Теперь и прежде». М., 1994, стр. 198.
25. «Мифы народов мира». М., 1982, т. II, стр. 666.
26. Т. Карлейль. «Теперь и прежде». М., 1994, стр. 31.
27. У.Ж.Э., книга «Мир Огненный», ч. III, §49.
28. Там же, ч. III, §315.
29. Т. Карлейль. «Теперь и прежде», стр. 127.
30. У.Ж.Э., книга «АУМ», § 24.
31. У.Ж.Э., книга «Агни Йоги», §261.
32. У.Ж.Э., книга «Листы Сада Мории», «Озарение», ч. 3, VI, §14.
33. У.Ж.Э., книга «Мир Огненный», ч. I, §271.
34. У.Ж.Э., книга «Мир Огненный», ч. III, § 428.
35. Т. Карлейль. «Теперь и прежде», стр. 14.
36. Там же, стр. 329.
37. Н.К.Рерих. «Душа народов». М..МЦР, 1995, стр. 55-56.
38. Т. Карлейль. «Теперь и прежде», стр. 67.

39. Там же, стр. 139.
40. У.Ж.Э., книга «Мир Огненный», ч. I, § 639.
41. Т. Карлейль. «Теперь и прежде», стр. 330.
42. Там же. стр. 48.
43. А.С.Пушкин. Полное собрание сочинений, т П. М., 1950, стр. 340.
44. У.Ж.Э., книга «Листы Сада Мории», «Озарение», ч. 3, V, § 2.
45. Н.К.Рерих. «Душа народов», стр. 45.
46. Т. Карлейль. «Теперь и прежде», стр. 6.
47. Там же, стр. 15.
48. Н.К.Рерих. «Душа народов», стр. 53.
49. У.Ж.Э., книга «Мир Огненный», ч. III, § 42.
50. Т. Карлейль. «Теперь и прежде», стр. 338.
51. Н.К.Рерих. «Душа народов», стр. 59.
52. Т. Карлейль. «Теперь и прежде», стр. 38.
53. Н.К.Рерих, «Душа народов», стр. 46.
54. Н.К.Рерих. «Душа народов», стр. 75.
55. Там же, стр. 77.
56. Там же, стр. 75.
57. Н.К.Рерих. «Душа народов», стр. 58.
58. Д. Мережковский. «Жанна д'Арк». Берлин, «Петрополис», 1938, стр. 60–61.
59. Д. Мережковский. «Жанна д'Арк», стр. 62–63.
60. Там же, стр.24.
61. Д. Мережковский. «Жанна д'Арк», стр. 119.
62. Там же, стр. 145.
63. Там же.
64. Д.Мережковский. «Жанна д'Арк», стр. 151–152.
65. Там же, стр. 28–29.
66. Там же, стр. 29.
67. Д. Мережковский. «Жанна д'Арк», стр. 29.
68. Там же, стр. 29–30.
69. Письмо.Е.И.Рерих З.Г.Фосдик от 28.06.48.
70. Письмо Е.И.Рерих З.Г.Фосдик от 12.10.49.
71. Из письма Е.И.Рерих («Письма», дата 11.04.34)
72. Т. Карлейль. «Теперь и прежде», стр. 15.
73. Там же, стр. 329.
74. Там же, стр. 17.
75. Т. Карлейль. «Теперь и прежде», стр. 96.
76. Т. Карлейль. «Теперь и прежде», стр. 16.

Широкое утверждение имени Гуру (Н.К.Рериха) имеет особое значение. То, что было невозможно некоторое время тому назад, возможным стало сейчас и своевременным. Конечно, Мы Помогаем, но исполнители часто не знают, под каким импульсом действуют. И хорошо, что не касаются глубин. Неисповедимыми путями распространяется Учение. Дорогу ему надо проложить при противодействии невежд и отрицателей. Картины (Н.К.Рериха) могут принять, даже не понимая их содержания, но, чтобы принять Учение («Живая Этика»), необходима подготовка сознания. Учение (земным человечеством) принято будет, но нужно время.

Грани «Агни Йоги» 13 т., § 101

Серия «Духовное совершенствование»

Николай Константинович Рерих

Штрихи к портрету

Донецк

Институт Культуры ДонНТУ

<http://roerich.com>

E-mail: dzhura@inbox.ru

тел.: (062) 337-32-66

Подписано в печать 15.12.98. формат 60x90 1/16. Бумага Maestro Guttenberg.

Гарнитура «Arial суг». Офсетная печать. Усл. печ. л. 3,8. Заказ № 458.

Цена договорная.

Сын Мой, пора подводить итоги прожитой жизни и укладывать собранное в заветный ларец. Отобрать тщательно нужное от ненужного, ценное от хлама и сора, то, без чего нельзя обойтись, от излишних вещей и непреходящее – от временного. Качества духа взять не забудем, но лишь положительные. Мысли проверим и отделим земное от мыслей надземных. Путники Пути беспредельного знать бы должны то, что нужно в Пути и что не нужно, и этот отбор вести постоянно, так как ненужное имеет тенденцию аккумулироваться и нарастать. Каждое десятилетие имеет свое значение; седьмое – особое, завершающее, когда можно начать мысленное вступление в условия тонкого существования. Десятое семилетие или седьмое десятилетие – можно подумать над ним. Мышление Дальних Миров связано с жизнью в Надземном. Хорошо здесь и там, ибо идет поперек жизни обычной. Под Дальними Мирами подразумеваем Высшие планеты, высших ступеней эволюции. Формы жизни, осуществленные там, когда-то осуществляются и на Земле, но ментально их можно внедрить и сейчас в атмосферу земную, насыщая ими ауру планеты. Конвейер сознания позволяет цементирование пространства мыслью. И когда это делается сознательно, упорно и планомерно, сотрудничество с Нами вступает в особую фазу. Каждый камень или камушек, принесенный на Общее Благо, ценен для эволюции. Не будем рассматривать такое приношение с личной точки зрения, ибо личная точка зрения обусловлена, как таковая, явлением Майи и мерилom не может служить. Смотреть на окружающее будем учиться не только с точки зрения других людей и притом положений различных, но и под углом зрения сверхличным, не касающимся ограниченного круга, в котором живет обычное «я» человека. Поднимаясь над жизнью, как орел над Землею, можно видеть с высоты взаимоотношение многих вещей, которые при рассмотрении личного занимают весь горизонт сознания, как огромный дом перед окошком. Но горизонты видны с высоты. Над землей не подняться, от нее не оторвавшись. О том, что привязывает к Земле, можно подумать. Свободы мышления не достичь, от Земли не оторвавшись. Личность, в которой временно живет каждый, является тем, что связывает мышление и засоряет горизонты дальней видимости. Индивидуальность – не личность; поднявшись в ее сферу, легче судить о Невидимом и видимом Мирах. Два Мира объединяются в сверхличном сознании, и в этом объединении – одна из важнейших задач настоящей ступени эволюции человечества нашей планеты.

